

ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

«ДЕЛО» молодых историков (1957—1958 гг.)

В редакции журнала «Вопросы истории» состоялась встреча с историками, которые в 1957 г. за свои убеждения были привлечены к уголовной ответственности и проходили по так называемому Университетскому делу (или «Делу Краснопевцева»). Все они были приговорены 12 февраля 1958 г. Московским городским судом к длительным срокам заключения в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) на основании ст. 58-й, п. 10-й, ч. 1 и п. 11-й УК РСФСР.

Л. Н. Краснопевцев (аспирант кафедры истории КПСС Московского университета), В. Б. Меньшиков (сотрудник Института востоковедения АН СССР — ИВАН) и Л. А. Рендель (преподаватель истории) были приговорены к десяти годам заключения каждый и провели в ИТЛ по десять лет. В. М. Козовой (студент МГУ), М. И. Семененко (инженер) и М. А. Чешков (сотрудник ИВАН) получили по восемь лет и провели в лагерях: Семененко — около шести лет, Козовой и Чешков — по шесть лет и два месяца. М. С. Гольдман (инженер), Н. Г. Обушенков и Н. Н. Покровский (кандидаты исторических наук, ассистенты исторического факультета МГУ) получили по шесть лет заключения, которое отбывали в лагерях. Кроме того, Рендель, Гольдман, Покровский, Обушенков и Меньшиков были лишены права проживать в Москве после отбытия наказания; первые трое — навсегда (правда, Рендель позднее вернулся), Обушенков — на пять лет, Меньшиков — на два года. Шесть человек из девяти были выпускниками исторического факультета МГУ первой половины 1950-х годов, один был студентом этого факультета.

Во встрече приняли участие М. С. Гольдман, Л. Н. Краснопевцев, В. Б. Меньшиков, Н. Г. Обушенков, М. А. Чешков, текст выступления прислал академик Н. Н. Покровский. Ниже дается сокращенная запись состоявшейся в редакции беседы.

А. А. Искендеров (член-корреспондент Российской Академии наук, главный редактор журнала «Вопросы истории»). Одной из задач журнала является восстановление справедливости в отношении тех историков, которые были необоснованно репрессированы и тем самым лишены возможности трудиться на благо исторической науки. Журнал уже опубликовал ряд таких материалов. Они помогают укреплению нравственных основ исторической науки. Во время встреч редколлегии журнала с читателями не раз поднимались вопросы в связи с «Делом Краснопевцева» и высказывалось в адрес редакции пожелание опубликовать соответствующие материалы. Многие уже забыли это «дело», другие просто ничего не знают о нем. Поэтому редакция решила провести настоящую встречу и с помощью тех, кто привлекался по данному «делу», попытаться восстановить ход и существо

событий, имевших место более 35 лет тому назад. Публикация этих материалов послужит еще одним напоминанием о том, что история — наука нравственная.

Л. Н. Краснопевцев (хранитель Музея российских меценатов и благотворителей, Москва).

Выступление нашей группы в 1957 г., как и иных молодежных групп Ленинграда, Киева, других городов страны, было первым сигналом вхождения в политическую жизнь нового поколения молодежи, выросшего в послевоенные годы. Это поколение развивалось в атмосфере очень широкого и все более усиливавшегося интеллектуального и нравственного сопротивления большевизму, который спешил использовать победу над фашизмом для полного завершения строительства последовательно ленинского общества с людьми «нового типа», совершенно очищенного от остатков общечеловеческой цивилизации в экономике, морали, духовном мире.

Надвигавшаяся на душу каждого мыслящего человека тоталитарная большевистская смерть вызывала не только смятение в рядах интеллигенции, но и угрюмые сомнения в монолите сплоченного 37-м годом и войной аппарата партии и государства. Ответные репрессии государства, непрерывные погромы в науке, искусстве и даже в столичных парторганизациях, проводившиеся с вызывающим цинизмом и сплошными фальсификациями, безумные внешнеполитические авантюры типа Кореи (и это на фоне поистине небывалых успехов западной демократии, которые оказалось невозможно закрыть даже железным занавесом) — все это не оставляло выбора для молодежи конца 40-х — начала 50-х годов. Она отходит от большевизма и начинает сама строить собственную жизнь. Освобождение молодежи от большевизма было движением мощным, многослойным и принимало самые разнообразные формы. Отрицанию подвергались все стороны жизни сталинского послевоенного образца — от широких штанов, пиджаков с ватными плечами и причесок «бокс» до искусства соцреализма. Усиливается тяга к западным культуре, формам быта, человеческих отношений. А начиналось все с молчаливого неприятия и не всегда четко осознанного разрыва с моралью большевизма, с его миром нравственной лжи, подлости и грязи.

У нас, на историческом факультете Московского университета, не только отдельные студенты и группы близких друзей, но и целые курсы (как, например, наш, 1947-1952 гг.) уже в конце 40-х годов выключались из традиционной атмосферы громкой комсомольской идейности, мягко убирали из своего актива протокольных товарищей в «сталинках» и создавали у себя спокойную нравственную человеческую обстановку. В самые тяжелые времена никого не выдавали на расправу, защищали и отстаивали даже тех, кто осмеливался поддержать «профессора-космополита» или неосторожно оставил в общезнании свой дневник с «клеветническими» записями. В 1952 г. защищали даже тех, кого, как выяснилось позже, в это время уже «ожидали» на Лубянке. Нечто похожее происходило и на других курсах. Сами формы комсомольских отношений и связей использовались часто для создания устойчивых небольших коллективов близких друзей с демократическими настроениями.

Немало юношей и девушек в 1951-1952 гг. жили уже по-своему, имели свою концепцию личностного, группового или семейного суверенитета и жестко ее придерживались, пусть в ограниченных пределах. Стремление к личной свободе охватывало большинство молодежи нашего поколения. И государство практически отступало перед этой сплошной волной, низовые руководители старались многого не замечать, закрывали глаза, ограничивались формальным осуждением «без занесения в личное дело» и не трогали все эти группы, кружки друзей и целые коллективы. После 1953 г. это стало неписаным законом. Была сделана попытка ударить по «плесени» новой молодежи в 1953 г., но «подоспевшее» вскоре дело Берии открыло такие помойные ямы партийной морали, что об узких брюках и длинных волосах перестали и вспоминать.

Но оставалась одна крепость, которую продолжали охранять с прежним рвением и свирепостью. Это — область идеологической догматики марксизма-ленинизма и основанной на ней политики КПСС. Здесь даже ограниченные попытки самостоятельного подхода автоматически выбрасывали человека из науки и общественной жизни, а отрицание хотя бы части догм и основанных на них политических действий государства — из обычного мира за лагерный забор.

Так, вскоре после XX съезда КПСС, в 1956-1957 гг. были брошены в тюрьмы

и лагеря на огромные для середины XX в. десятилетние сроки молодежные группы и сотни отдельных граждан, осудивших тоталитарные методы и сущность государства КПСС и его наиболее вызывающие действия,— например, кровавое подавление восстания венгерского народа за свою свободу.

Поэтому в область основ марксизма-ленинизма, в отличие от других, решались вступать с критикой лишь немногие. И среди большинства студентов, аспирантов и молодых преподавателей Московского университета, отрицательно относившихся к сталинизму, сумели найти друг друга и объединиться несколько человек, дерзнувших вторгнуться в святая святых СССР и КПСС — марксизм-ленинизм. Мы учились на разных курсах, и первоначально каждый имел свой круг друзей, но постепенно события 1950-х годов сближали нас все больше и больше, и с конца 1956 г. наше развитие пошло в общем русле.

История была нашей специальностью, и мы занимались ею всерьез. В 1951 г. в ходе работы над дипломом о крестьянском движении в России в 1917 г. я впервые разошелся с большевизмом в оценке партий российской демократии и их исторических заслуг в борьбе с самодержавием и за прогресс страны. Реальный исторический материал опрокидывал ленинские оценки и образы врагов. Исторический мир расширялся, в нем, кроме Ленина, очень впечатляюще действовали на равных и Милюков с Герценштейном, и Чернов, и Плеханов, и Керенский, и сотни других подлинных героев истории. Аналогичную эволюцию переживал Рендель в период его работы над дипломом и при подготовке к аспирантским экзаменам в университете. Мы были с ним хорошо знакомы, а после трагической гибели летом 1951 г. на полевых работах в колхозе неподалеку от Зарайска моего лучшего университетского друга и единомышленника Бориса Бенья все больше стали сближаться и лично.

Нашему развитию и переходу «за роковую черту» очень способствовали последние работы Сталина по языкознанию и экономике социализма. Не обладая опытом и изощренной ловкостью творцов марксистско-ленинской системы, он одним своим «вкладом» за другим разрушал хитроумнейшие схоластические конструкции, вызывавшие традиционное почтение сложностью и обилием псевдоинтеллектуальности, высокомерием своих умелых недоговоренностей и ловких парадоксов. Грубые и примитивные рассуждения Сталина о базисе и надстройке в его работе «Марксизм и вопросы языкознания», вызывавшие у всех нас недоумение и порождавшие бесконечные бесплодные споры, приводили к выводу о ненаучности самой постановки вопроса о первичном и вторичном в природе и человеческом обществе, которая составляет основу методологии и Маркса, и Ленина. Но это были еще самые общие абстрактные вопросы.

Брошюра Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», можно сказать, втолкнула нас в центральную проблематику марксизма-ленинизма. Невиданные даже в нашей литературе упражнения автора на тему товара и стоимости вызывали одновременно и смех своим уровнем, и ужас перед первобытным насилием над экономикой.

Пришлось обратиться за разъяснениями к Марксу и Ленину, с одной стороны, и Адаму Смиту — с другой. И тут через некоторое время рухнуло все воздвигнутое Марксом сооружение, в котором под именем социализма соединялись товар и стоимость с диктатурой пролетариата, насильственно экспроприрующей, то есть ликвидирующей, эту стоимость во всех видах вплоть до стоимости рабочей силы самого пролетариата. Первоначально анализом и критикой работ Сталина мы с Ренделем занимались устно. Одновременно обсуждались и актуальные политические вопросы. У нас создалась своя творческая лаборатория, постепенно расширявшаяся и обогатившаяся с приходом все новых и новых участников, стремившихся к живой и свободной мысли и не находивших ее в государственных источниках.

После XIX съезда КПСС нам стало ясно, что устранение Сталина абсолютно необходимо во избежание полной катастрофы страны. Мы не говорили открыто об этом направо и налево, но и не замыкались в себе. Общий характер наших настроений становился известен достаточно широкому кругу наших университетских знакомых. Некоторые начали обрывать контакты с нами, откровенно объясняя это нежеланием ехать на Крайний Север «копать никель». Другие, наоборот, именно в это время несмотря на значительные первоначально расхождения и непонимание стремились к сближению и совместной работе. Это в первую очередь относилось к Владимиру Меньшикову. Он буквально физически не вмещался в рамки тотальной

сталинской казармы, бился в них и постоянно искал, где можно, глотка свежего воздуха.

Нас не взяли тогда: органы чувствовали сами близость марта 1953 года. Им хватало «дела врачей», в дополнение к которому наше дело было бы лишним и вредным. Играло роль, возможно, и профессиональное желание дать нам дозреть до крупных размеров. И они не ошиблись — мы многое успели сделать за опущенные нам пять лет. Смерть Сталина и последующие события 1953 г. поразили нас своим созвучием нашим настроениям. Мы поняли, что правильно нащупали реальную линию развития страны и что необходимо теперь понять ее полностью. На это ушли следующие четыре года.

Весной 1953 г. мы начали писать. Записывали свои мысли о сущности и развитии экономики нашей страны. В судебно-следственном деле сохранилось три текста на эту тему. Первые два, относящиеся, примерно, к 1953-1954 гг., написаны мной и Ренделем, последний, приблизительно, 1955-1956 гг., — мной.

Этот, последний, текст не содержит формального разрыва с марксизмом, но там есть очень интересные выводы. Например: «Марксистско-ленинское понятие общенародной собственности при социализме означает, что все предприятия общенародной собственности вместе с продукцией, ими производимой, принадлежат одному юридическому лицу — государству. Только оно всем распоряжается. Все идет из одного центра... Это не случайная практика, а вытекающая из официальной теории общенародной собственности. Поэтому прежде чем ломать практику, нужно разбить эту теорию. Эта теория имеет только политический смысл (классовый), с научной точки зрения это — абсурд. Товарного производства не может быть, если все товары принадлежат одному юридическому лицу. Товарное производство требует, подразумевает целую сеть отдельных товаровладельцев и товаропроизводителей. Без этой сети противостоящих друг другу экономических единиц нет товара. Товар при едином собственнике — горячий лед»¹; «У хозяйства, в котором занят хотя бы один миллион населения, не может быть один хозяин: это хозяйство будет разворовано этим миллионом, и один хозяин это воровство просто-напросто не сумеет остановить. Только целая корпорация хозяев сможет уберечь хозяйство от разворовывания»; «Последовательно проведенный принцип товара превращает коллектив предприятий в коллективных капиталистов, хотя и с ограниченными правами»².

И, наконец, общее заключение: «Современная цивилизация есть продукт частной собственности, частной инициативы, личной свободы, господства товара. Поэтому она и возникла в той части мира, где эта частная собственность получила наибольший простор для своего развития, — в Европе. И наоборот, там, где частная собственность и товар были зажаты насильственно, там не было и нет цивилизации (в значительной степени), а есть дикость, варварство, азиатчина»³. Поэтому коммунизм, под которым понимается сменяющее капитализм будущее общество высочайшего развития и такой немислимой пока производительности, при которой начнет ликвидироваться стоимость, будет прямо выходить из капитализма. «Капитализм может прямо подводить к коммунизму, прямо переходить в коммунизм... Социалистические революции и сам социализм вызываются политическими причинами и не составляют исторической необходимости... С точки зрения экономической социализм (а социализмом можно назвать только переход политической власти в руки пролетариата) не необходим»⁴. Этот текст тоже имеет черновой характер. Идет создание новой системы взглядов и оно еще не закончено. Контуры нового путаются со старым, но они несомненны.

Развитие политической ситуации в первые послесталинские годы не вызывало у нас трудностей и не содержало загадок. Безусловно одобряя все позитивные мероприятия 1953-1955 гг., мы отрицательно относились к Маленкову и его единомышленникам. Есть много самых резких оценок этих людей в моем дневнике 1953-1954 гг., включенном в наше «дело». Очень скоро мы выделили Хрущева и возлагали на его действия серьезные надежды. После снятия Маленкова весной 1955 г. я подал заявление и был принят в кандидаты КПСС, а осенью того же года вернулся на истфак после трехлетней работы инструктором Краснопресненского РК ВЛКСМ и учителем истории в средней школе № 90. Надвигавшиеся события (а я был уверен в них) было желательно встретить в большом молодежном и политическом центре. Я поступил в аспирантуру кафедры истории КПСС МГУ, чтобы

иметь возможность основательно разобраться со своим отношением к марксизму-ленинизму.

Я застал новую атмосферу и новых студентов, освобожденных от сталинского рабства и рвущихся открыто дальше и дальше, к новой полной свободе. Мне было легко войти в эту атмосферу, поскольку я был сразу избран секретарем комсомольской организации истфака. Меня пытались стремительно двигать выше, но я уже очень хорошо представлял себе по райкому мир номенклатуры и свою полную несовместимость с ним. Это обстоятельство в первую очередь всегда составляло для меня непреодолимую нравственную преграду для вхождения в официальный мир. Я мог жить и дышать только в среде интеллигенции, молодежи, позже — рабочих, но ни в коей мере не в верхних слоях. И второе обстоятельство: для карьеры нужно было ликвидировать или ввести в русло партийной политики наши отношения и работу с Ренделем, Меньшиковым, а вскоре — и с другими товарищами, чего я делать не собирался.

Быстро восстановились старые связи и отношения со многими нашими сверстниками, которые, как правило, после 1953 г. развивались в том же направлении, что и мы. С некоторыми из них — Борисом Михалевским, Николаем Покровским и Николаем Обушенковым — отношения становились все более близкими. Они уже стали кандидатами наук, вели преподавательскую и научную работу, и их знания и оценки представляли для нас большую ценность. Наши точки зрения все больше и больше совпадали.

XX съезд КПСС вызвал, естественно, одобрение всего нашего круга людей, молодежи, как и всех здравомыслящих людей в партии. Но ликовали не все. Наиболее пронизательные насторожились и подсобрались, ожидая раскрытия глубинного смысла этого крупного поворота. И скоро он стал выясняться. Партия очищалась для того, чтобы укрепить, восстановить монопольное положение в идеологической жизни общества, которое сильно пошатнулось. Все люди и группы типа нашей должны были встать под знамена очищенной и восстановленной ленинской партии и прекратить всякую независимую от партии жизнь и деятельность. Мы же как раз в это время усиливали и расширяли.

В. Б. Меньшиков (старший научный редактор издательства «Наука»). Приход Хрущева к власти был антизаконным актом и противоречил тому, что было декларировано на XX съезде партии. Это был по существу тихий государственный переворот. О нем не знали ни партия, ни народ, люди были просто поставлены перед свершившимся фактом. После этого оставаться в русле хрущевской политики радикально настроенная молодежь уже никак не могла. Именно тогда закладывалась череда дел молодежных групп 1957-1960 годов.

Н. Г. Обушенков (кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой экономики и международных отношений РАН). Весной 1956 г. мы начали собираться группой в 8-10 человек и обсуждать сущность нашего строя и общества. Кто же входил в круг членов группы на нашем курсе? Прежде всего Покровский, Краснопевцев и я. Духовно близок к нам был Б. Н. Михалевский, выпускник нашего курса, ставший экономистом. Акад. С. С. Шаталин часто вспоминает его теперь как выдающегося советского экономиста. Михалевский трагически погиб в начале 70-х годов. Но он успел дать глубокий анализ нашей экономики того времени и направить в Госплан СССР прогноз инфляционного кризисного развития, который подтвердился в наши дни (об этом рассказывал Шаталин). Это был мужественный, смелый и прямой человек, и мы многому у него научились. Он великолепно держался на суде, будучи вызванным в качестве свидетеля обвинения, и помогал нам информацией в ходе своих свидетельских показаний. Выпускник МГУ 1952 г. Н. Я. Эйдельман также входил в наш круг. С других курсов истфака в группу входили, как уже говорилось, Рендель, который был старше нас на несколько лет, и ряд иных товарищей. Конечно, тот факт, что мы стали собираться, был мгновенно замечен.

Л. Н. Краснопевцев. В среде политически активной молодежи произошел раскол на «детей XX съезда», то есть сторонников очищенного ленинизма и партийности, и тех, кто шел дальше, не связывая себя этими рамками, по пути общечеловеческого демократизма, иногда не осознавая этого в полной мере. Летом 1956 г. начались аресты первых молодежных групп (А. Фельдмана и А. Парташникова в Киеве). В парторганизации истфака МГУ произошел перелом: были отеснены

или убраны из руководства прогрессивные историки (И. М. Белявская, Н. Е. Застенкер и др.), для реализации курса XX съезда вся власть передавалась в руки отъявленных сталинистов типа Савинченко и Найденова. Дело двигалось к развязке. В сентябре я ушел с комсомольской работы ввиду явной бессмысленности ее продолжения в этих условиях и занялся историей большевизма.

Восстание в Венгрии и его подавление Хрущевым при поддержке Тито определили и нашу судьбу. Стало абсолютно ясно, что любое восстановление ленинских партийных норм — это танки и пулеметы, виселицы и расстрелы. Хрущев и КПСС стреляли не только в венгров — они стреляли и в свою молодежь. Ответом было выступление молодежных групп в Ленинграде (А. Гидони, Р. Пименова, В. Трофимова) в поддержку Венгрии. Последовали их аресты и судебные приговоры с предельными сроками заключения — десять лет. В стране резко нарастали антихрущевские настроения. Мы торопились довести до конца свою работу. Зимой и весной 1957 г. встречались и обсуждали политические и теоретические вопросы уже несколько групп единомышленников. В их работе принимали участие Рендель, Меньшиков, Покровский, Семененко, Обушенков, Михалевский, В. А. Рубин, Л. А. Гордон, Э. В. Клопов, А. В. Меликсетов, Т. Б. Петров, Ю. А. Борко, Ф. Б. Белелюбский, В. С. Манин, Ю. Д. Карпов, Л. А. Фридман.

В марте 1957 г. я с большой поспешностью закончил для обсуждения первый вариант работы «Основные моменты развития русского революционного движения 1861-1905 гг.». Она ставила основные проблемы послепетровской истории России и характеризовала некоторые черты пореформенного развития революционного и демократического движения. Как и предыдущие тексты, это было в значительной степени скорее определение направления анализа, программа большой работы, чем ее конечный результат. Но ряд выводов имел и вполне определенный характер.

Это, в первую очередь, вывод о фактическом прочном союзе и постоянной взаимной поддержке отстаивавших в сущности единый путь развития России белого дворянского самодержавия Романовых и растущего и крепнущего в этом союзе красного самодержавия Нечаева — Желябова — Ленина. Многолетняя согласованная борьба этого союза против либерально-демократических сил России и обеспечила в благоприятной обстановке военных разрушений экономики и государства казавшийся совершенно невероятным переход власти от Николая Романова к «Николаю Ленину» всего за восемь месяцев 1917 года. В работе этот вывод формулировался следующим образом: «Революционеры стремились заменить царское самодержавие самодержавием одной из своих сект (или нескольких, в лучшем случае). Заменить одно насилие над экономической и социальной жизнью России другим, гораздо более тяжелым, в первую очередь для экономики страны. Но если царское самодержавие стояло на почве жизни, имело в ней опору и было великолепно организовано и закалено, то рвущееся к власти самодержавие революционеров было насквозь утопичным, совершенно нежизнеспособным и неорганизованным»⁵.

Дальнейшее развитие получил и анализ социализма: «В стремлении, отбросив буржуазию, перескочить сразу от феодализма к социализму нет ничего специфического российского. Чем более отсталой является страна, народное движение, тем больше в нем социалистов и тем меньше буржуазных демократов-радикалов. Чем дальше в глубь веков, тем больше мечтаний о «строительстве» рая на Земле, об утверждении всеобщей благодати, чем ближе к современности, тем меньше демагогии, больше трезвости, реализма... Социализм на Западе встал на реальную почву жизни, все больше начал сближаться с демократией. Он сохранил только одну основную мысль от старого социализма — идею ликвидации разделения общества на верхи управляющие и низы подчиняющиеся, а все остальное взято у демократии...

В России все революционные партии и идеологии — это в значительной степени синтез пугачевщины и разинщины с Евангелием. От Разина — тактика и стратегия, отношение к другим партиям и классам. От Евангелия — внутривластный режим, послушание низов социал-демократическому мессии — Ленину, взгляд на собственную роль в развитии человечества и методы пропаганды. Вот и весь большевизм»⁶.

Такая трактовка большевизма как главного фактического союзника и преемника российского самодержавия исключала его разделение на ленинизм и сталинизм и требовала полного отказа от того и другого. Все эти тексты представляют собой часть анализа и выводов, сделанных нами всеми в 1952-1957 годах. Эти взгляды

часто формулировались и записывались мной, но выработывались безусловно коллективно. Рендель был в полном смысле соавтором всего написанного мной по вопросам экономики, равно как и я участвовал в его работе над анализом проблем Февральской революции 1917 года.

Активным и постоянным участником всего общего творческого процесса был Меньшиков. Он же вел самую большую работу по ознакомлению студентов истфака, своих знакомых по Институту востоковедения и т. д. с нашими общими взглядами. В материалах нашего дела сохранился его анализ внутреннего и внешнего положения страны, сделанный им летом 1957 года. Покровский много занимался историей Октябрьской революции и гражданской войны, Обушенков — проблемами рабочего и коммунистического движения в Германии, Италии, а также развитием демократического движения в Польше, Югославии, Венгрии. При обсуждении в мае 1957 г. на собрании нашей организации «Основных моментов истории развития революционного движения в России» выяснилось, что Обушенков и Покровский продвинулись гораздо дальше в преодолении догматических штампов в исторической науке, чем все мы.

Чешков опубликовал в стенной газете ИВАН статью о партийно-государственной номенклатуре как социальной базе нравственной деградации общества и части молодежи. Семененко направил реферат с критикой системы управления промышленностью в ЦК КПСС и выступал перед студентами МГУ с изложением своих взглядов. Были намечены большие планы нашей работы. Их выполнение принесло бы пользу, но все было прервано в самом начале наших арестов. К сожалению, многое осталось незаписанным или не сохранилось.

Весной 1957 г. мне было предложено поехать в Польшу в составе делегации ЦК ВЛКСМ для встречи с активом Союза польских студентов. Левая польская молодежь в это время поддерживала Гомулку, польского аналога Хрущева, и эти настроения должны были образумить меня в отношении Хрущева. Мы все решили использовать эту поездку для установления личной связи со своими польскими единомышленниками и информировать их о положении в СССР, настроениях молодежи и нашей деятельности. Мне удалось сделать это и установить контакты с известным тогда лидером демократов Польши Э. Лясотой. Мы обнаружили у себя расхождение в оценках Хрущева и частично Гомулки, но общее взаимное отношение было отношением дружбы и братства, и мы никогда ему не изменили. Внутренней опорой для нас также была память о героях венгерского восстания 1956 года.

После встречи с Лясотой мы несколько раз отправляли в Польшу свои материалы, в частности текст «Основные моменты истории развития революционного движения в России», и получали в ответ печатные издания польских демократов. В июле — августе 1957 г. на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве я в последний раз встречался со своими знакомыми по Союзу польских студентов.

Наша интенсивная деятельность в первые месяцы 1957 г. привела к оформлению наших отношений: в мае после моего возвращения из Польши мы собрались все вместе и решили считать себя организацией, ставящей своей целью распространение правды о положении в СССР и разработку вопросов теории. В организацию вошли Рендель, Меньшиков, Покровский, Обушенков, Чешков, Гольдман, Семененко, Козовой и я.

В июне того же года на пленуме ЦК КПСС произошло резкое столкновение между сторонниками Хрущева и группой Маленкова — Молотова, закончившееся изгнанием последних из руководства. В связи с этим мы написали и распространили листовку, в которой характеризовали происшедшее как схватку внутри существующей политической системы за разные пути ее укрепления и выставили требования передачи спорных вопросов на обсуждение съезда КПСС, поскольку других, хотя бы в какой-то мере представительных политических организаций тогда не было. Мы полагали, что такая открытая для всей кипящей от возмущения страны борьба неизбежно приведет к устранению обеих группировок и откроет дорогу новым силам. Но это произошло позже.

Листовка содержала призыв к борьбе со сталинской системой угнетения, обновляемой и укрепляемой диктатурой Хрущева, сменившего ее обанкротившихся творцов, и выдвигала требования:

1. Широкой общенародной и партийной дискуссии.

2. Созыва чрезвычайного съезда партии и чистки партии.
3. Суда над всеми сообщниками Сталина по убийствам.
4. Отмены ст. 58-й УК РСФСР, обязательной гласности политических процессов.
5. Права всех трудящихся на забастовку.
6. Создания рабочих советов с правом смены администрации предприятий.
7. Усиление роли Советов.

Н. Г. Обушенков. Эта листовка являлась единственным основным нашим официальным документом, а на следствии — главным криминалом. Потом некоторые доброжелательно к нам настроенные люди говорили: «Ах, если б не эта листовка!». Мы сделали несколько сотен экземпляров ее для распространения. В КГБ было принесено около десятой их части. В листовке мы давали резкую оценку деятельности группы Хрущева, писали о том, что Молотов, Маленков, Каганович и другие получили по заслугам, пав «жертвами ими же созданной системы произвола и насилия», и жалеть их нечего. Но за этим следовала другая мысль: группа Хрущева тоже не может ни в коей мере руководить страной. Подчеркивался факт участия Хрущева в уничтожении партийных кадров. Утверждалось, что это — тупиковая фигура. Его характеристика заканчивалась так: «Это он, пьяница и болтун, срамит нас в глазах всего мира!»

Разумеется, содержание листовки, о котором сказал Краснопевцев, не исчерпывало нашего тогдашнего идейного багажа. Это были оценки лишь одного события — июньского пленума ЦК КПСС 1957 г., которые мы хотели довести до сознания общества, а также то, что мы хотели сказать нашим читателям по этому поводу. О роли листовок в массовом движении мы хорошо знали после лета 1956 г. из опыта венгерских и польских событий: двое из нас побывали в 1956-1957 гг. в Польше, у многих из нас было много друзей — поляков и венгров — студентов и аспирантов нашего факультета.

Л. Н. Краснопевцев. Менее чем через два месяца после появления листовки мы были арестованы. Нам было предъявлено обвинение в антисоветской, контрреволюционной, реставраторской деятельности, направленной на ликвидацию существующего в СССР общественного и экономического строя. Это была правильная оценка наших настроений и взглядов. Прошло время, и эти взгляды, которые и тогда в той или иной степени разделяли многие граждане нашей страны, получили признание большинства.

В. Б. Меньшиков. Мне хочется сказать еще о двух обстоятельствах, относящихся к началу деятельности нашей группы. Во-первых, активная агитационно-пропагандистская работа, которая шла в течение нескольких месяцев: личные беседы, кружки, собрания, обсуждения. Во-вторых, был такой момент, когда девять человек, собравшись, сказали друг другу, что осознают себя организацией и «выступают против». Именно эти люди были потом арестованы, хотя можно было арестовать человек 200. В лагерях вместе с нами сидели люди, которые неизмеримо меньше сделали, чем мы: меньше «наговорили», менее резко высказывались и получили свои два-три года. Следователи же нам говорили: «Ребята, да вам просто повезло! Случись это годика три назад, вас бы просто расстреляли, а человек 300 точно бы село по вашему делу лет на 10 минимум».

Имелись и другие причины, помимо тех, о которых упоминал Краснопевцев, толкавшие нас на протест: противоречия между лозунгами и реальной действительностью, что особенно ярко проявлялось в жизни студенчества и в комсомольской работе, когда декларируемое и реальное настолько не совпадало, что невольно рождалась мысль: «Так в чем же дело?». Но на первом месте для нас всегда было отношение к науке. Именно оно и сыграло определяющую роль. Наука давала нам глубину понимания ситуации, а возбудители протеста были вокруг нас на каждом шагу.

Коротко — о том, как производились аресты. Брели нас, не торопясь, последовательно с 12 августа до 12 сентября 1957 г., одного за другим, среди бела дня. Каждому аресту предшествовала откровенная слезка. Может быть, добивались того, чтобы мы пришли с повинной? Тогда все развивалось бы по другому сценарию. Следствие, насколько я понимаю, шло при полном соблюдении инструкций. Ничего похожего на то, что мы читали о сталинском времени, уже не было: ни грубого обращения, ни побоев, ни пыток.

Л. Н. Краснопевцев. Если не считать того, что у следователей было

большое пристрастие к ночным допросам. Первый мой допрос начался в 12 час. дня и закончился в 5 час. утра. Это — грубое нарушение закона.

М. А. Чешков (доктор исторических наук, ведущий исследователь, Институт мировой экономики и международных отношений РАН). Поражала удивительная заданность, изначальная и непоколебимая ориентированность на конечную цель следствия. У следователей не ощущалось каких-либо сомнений в своей правоте и даже в целесообразности своих действий, хотя, правда, они могли вступать и в дискуссии с подследственными.

Н. Г. Обушков. Когда давали на подпись протокол допроса, то в нем было написано совсем не то, что мы говорили, а оценка наших слов следователем, которая была нужна для суда. Эти формулировки потом и фигурировали на суде как наши преступные мысли и слова. Все это — прямое нарушение закона.

В начале следствия все наше существо протестовало против формулировок следователей. Но по мере того, как проходили недели и месяцы утомительного следствия, а для большинства из нас — одиночного заключения, нас постепенно «приучали» не чураться «остро политических» формулировок протоколов допросов. В начале следствия, когда некоторые из нас еще не соглашались с манерой ведения протоколов допросов и не спешили «помогать» следствию, можно было иногда услышать и ругань, и оскорбления.

Я не согласен с тем, что главной причиной наших уступок нажиму следствия, нашего раскаяния и самообвинения на суде была неопределенность нашего отношения к государству и его аппарату. С моей точки зрения, у нас просто не хватило моральных и интеллектуальных сил, чтобы противостоять опытнейшему следствию. Тем более, что над нами висела вполне реальная угроза «изъятия» нас из общества и из семей на большую часть жизни. Наш прокурор (кстати, занимавший тогда пост помощника Генерального прокурора СССР) настойчиво и неоднократно требовал от суда «отмерить» каждому из нас по десять лет ИТЛ, пять лет ссылки и три года лишения прав, не считая многих лет автоматически следующих «паспортных ограничений».

В. Б. Меньшиков. Идея нашей организации заключалась в том, чтобы способствовать развитию того процесса, который начался с XX съезда КПСС. Вернемся, однако, к суду. Все шло, как по накатанной дорожке. Судья и народные заседатели знали, что от них требуется, защитники тоже знали это не хуже, и прокурор соответственно. Все они отработывали свой хлеб. Лагерный режим первых лет нашего заключения по сравнению с тем, что было при Сталине, Ежове и Берии, и с тем, до чего довели лагерь сейчас, был достаточно мягок. Потом, по моим подсчетам, 14 раз автоматически для всех ухудшался режим содержания. Иногда по мелочам: всем остричься, всем надеть лагерную робу, сдать часы, которые объявлялись драгоценностью, сокращалось количество принимаемых посылок. Затем пошли уже серьезные ухудшения.

Весной 1962 г. все лагеря были переведены с общего режима на усиленный, осенью 1962 г. — на строгий, что кардинально изменило лагерную жизнь, сделало ее более тяжелой. Теперь ограничивались не только посылки и покупки в лагерных магазинах, но и переписка. Толчком для всего этого послужили волнения 1962 г. в Новочеркасске, процессы над валютчиками, общее ухудшение продовольственного положения в стране, в результате чего возникли «масляные бунты».

Если обратиться вновь к истории нашего движения, то оно отличалось, с одной стороны, аморфностью и широким диапазоном мнений, с другой — стремлением охватить весь комплекс проблем, стоявших перед страной: экономика, идеология, политика, юриспруденция. Мы интересовались буквально всем, сознавая, что комплекс возникающих в обществе проблем может быть решен лишь в совокупности, а порознь ничто решиться не может. Это резко отделяет, по существу, конец 50-х — начало 60-х годов от последующего периода — движения диссидентов, которое вышло из нашего, но пошло сначала по узкому, а потому и тупиковому, пути борьбы — фактически лишь за право свободы слова, за право свободно высказываться. Думаю, что данный момент надо отметить, потому что это уже какой-то иной этап развития демократической мысли, освободительного движения в СССР. Я провел бы аналогию с народниками до середины 1870-х годов и народовольцами. Наше движение было еще нешироким, мало оформленным, слабым, рыхлым, но более глубоким.

М. С. Гольдман (ведущий технолог, Научно-производственное объедине-

ние «Спецоборудование», Липецк). Думаю, что участники движения 70-х годов избрали просто наиболее легко реализуемый путь. Чтобы осуществить экономическую программу (наиболее уязвимая точка системы!), надо серьезно и долго работать.

М. А. Чешков. Сомневаюсь, чтобы их путь был более легким: он был просто иной — это было, по существу, морально-этическое, глубоко личностное движение. «Жить не по лжи» — вот его суть, в то время как мы протестовали с социальных позиций. Именно в этом плане я не вижу преемственности между движением конца 50-х — начала 60-х годов и последующим, а поэтому подводить то и другое под общий термин «диссидентство» мне кажется ошибочным. Люди «переходили», мы знаем такие примеры, идеи — тоже. Но все-таки это уже совершенно другое. Для того чтобы возникло так называемое правозащитное движение, нужно было осознать себя личностью, что вряд ли было характерно для периода 50-х годов с его господствующим коллективистским сознанием, а я, например, тогда себя личностью не осознавал. Наше выступление в целом оставалось, если говорить современным языком, «системным», то есть в рамках данной системы, и «работало» на ее совершенствование, диссиденты же воплощали скорее внесистемное начало, поэтому оба эти движения, хотя и по разным причинам, нельзя считать антисистемными.

В. Б. Меньшиков. И все-таки движение диссидентов было более узким, не затрагивало общества, шло как бы по касательной.

М. С. Гольдман. Я не историк, а лишь потребитель истории. Но еще со школьных времен я понимал, что история — одна из главнейших наук и что человек отличается от животного прежде всего историческим пониманием происходящего. Однако я — средний потребитель исторической продукции. История же являлась служанкой для высокопоставленных потребителей, причем двуличной служанкой. А для нас, простых людей, история давала какие-то выжимки. И, конечно, такой продукцией я оставался недоволен. Недоволен и сейчас, даже, может быть, в большей степени, ибо больше стал понимать. Вспомните, ведь «спецхран» был скрыт не только от народа, но и от высокопоставленных лиц. А мои товарищи по группе буквально дневали и ночевали в «спецхране» и находили там очень многое. Через них различные интересные факты доходили и до меня.

Я же как инженер-гидротехник, конечно, был далек от того, чтобы анализировать какие-то исторические законы, политические течения, да и не настолько увлекался этим предметом, чтобы заниматься историей углубленно. Поэтому, естественно, я полагался на мнение своих товарищей, на то, что они говорили и писали. Но я не считаю, как иногда говорилось, что это они «довели меня до лагеря». Наоборот, я благодарен им, потому что участие в группе дало мне дополнительные возможности сознательнее смотреть на все происходящее в мире и обществе. Если бы я попал в лагерь один (а я по своему образу мыслей обязательно попал бы туда), то, без сомнения, был бы лишен возможности лучше разбираться и в настоящем. То, что говорили мои товарищи, было живо, публицистично, привлекательно. Прimitивное, сталинского типа изложение исторических фактов вызывало у меня оскормину, а глубокое, академичное изложение событий я просто не мог воспринять.

Огромное влияние на меня оказало закрытое письмо секретариата ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. «О мерах борьбы с антипартийными и демагогическими элементами». Если прежде я участвовал в движении с целью поиска истины и необходимости осознания того, что происходит, то после письма, которое читалось на закрытых партийных собраниях, понял, что предполагается резкий поворот назад и что следует не только искать истину, но пора уже приступать к действию. Поэтому, когда в апреле 1957 г. благодаря Меньшикову я встретился с Краснопевцевым и его группой, то примкнул к ней без колебаний.

М. А. Чешков. И все-таки у нас никогда оценка деятельности Хрущева не была однозначной. Я думал, например, что он может делать ходы в разных направлениях, хотя и не видел его принципиального отличия от так называемой антипартийной группы 1957 года.

М. С. Гольдман. Восстановить истину о событиях той эпохи очень важно. Потому, что, и я это продолжаю утверждать, в нашей печати (не говорю о полу-бульварной прессе) дается неверное освещение того периода, с искажениями то в одну, то в другую сторону. И роль Хрущева тоже сильно искажена. Сейчас имеет значение не столько владение методологией, умение работать с первоисточниками,

сколько нравственная позиция историка. Многим историкам именно их нравственная позиция не дает возможности правильно оценивать события, не позволяет достичь истины. Если раньше им мешали парткомы, какие-то интриги в академических институтах, «война» между различными группами, то сейчас, я думаю, от этого можно спокойно отойти. Ведь в те же годы были люди, которые не «воевали», а потому имели возможность занять более объективную позицию.

Времена Хрущева — десятилетие с 1953 по 1964 г.— очень важный период отечественной истории. Если правильно к нему подойти и объективно его осветить, то можно перекинуть мостик в наше время и ответить на какие-то вопросы сейчас. Выступая в данном случае как потребитель (в Липецке, где я живу, я пытаюсь участвовать в демократическом движении), хочу, для меня это очень важно, получить от вас — историков — те материалы, которые могли бы использовать в своей работе участники демократического движения.

Н. Г. Обушенков. Текст приговора и большинство материалов из 20-ти томов нашего «дела» мало дают для понимания существа вопроса, так как многое было сфальсифицировано следствием. Кроме того, во время следствия у каждого из нас были свои тактика, линия поведения, форма защиты, стремление что-то скрыть. Более точное представление о деятельности группы может дать только публикация документов, написанных до ареста, и, прежде всего, листовки и работы Краснопевцева, получившей на следствии название «реферат», кстати, совершенно незаслуженно. Главным в нашей деятельности было то, что мы вступили в сознательную конфронтацию со «сталинской системой произвола и насилия». Именно так мы определили социально-политическую систему СССР в листовке в июле 1957 года. Мы морально противопоставили себя ей. Мы четко понимали, что наша система ценностей, наша этика не совпадают с требованиями этой системы.

В деятельности группы я бы выделил три момента. Первый — нелегальная группа была на самом деле, она не выдумана следствием, хотя она и просуществовала лишь с мая по август 1957 года. Каждый из девяти человек, привлеченных по делу, дал формальное согласие на вхождение в группу. Не успел войти в нее, хотя и дал согласие на это в августе 1957 г., Н. Я. Эйдельман. В мае — июле 1957 г. мы провели несколько нелегальных встреч членов группы, на которых обсуждали экономические, социальные, политические проблемы и вопросы нашей деятельности и организации. Было решено разработать программу, были выделены ответственные, однако мы не успели это сделать. Большинство членов группы, кроме того, «вели пропаганду» в кружках своих друзей и знакомых. Группу мы создавали скорее для борьбы с существовавшей тогда политической системой, чем для самообразования, т. е. для выработки системы взглядов сообща.

Второй важный момент в нашей деятельности — группа обсудила и рекомендовала для распространения работу Краснопевцева, хотя далеко не все из нас полностью разделяли все его взгляды, изложенные в ней. Для меня, например, главным в этой работе было осуждение нечаевско-ленинской традиции в русском революционном движении, и это давало основания для вывода, что культ личности Сталина в плане логики идей — продолжение этой традиции. Разумеется, следствие и его эксперты считали работу Краснопевцева опасно преступной. Все ее копии были выявлены и изъяты, в том числе и экземпляр, переданный в Варшаву, в журнал «Protest». Даже чтение этой работы считалось преступлением. Поэтому КГБ направил запрос в Генеральную прокуратуру СССР о выдаче ордера на привлечение к уголовной ответственности 12 человек, читавших работу, по статье о недоносительстве. Подлинник или копия запроса хранится в нашем деле. Но Генеральная прокуратура, по-видимому, не считала возможным расширять круг преступников, и санкции на арест 12 доверенных читателей работы не последовало.

И третий момент — распространение листовки, которую написали Краснопевцев и я, прослушав подробнейшую многочасовую информацию Микояна об июньском пленуме ЦК 1957 г. на партийном активе МГУ, кажется, 3 июля 1957 года. Недвусмысленная направленность листовки против Хрущева и его новой команды, которых мы считали сталинистами, виновными в преступлениях периода сталищины (хотя этого слова мы еще и не употребляли), и которым мы выражали недоверие, призыв к массовым действиям, к усилению роли Советов, к дискуссии на будущем съезде,— все это в те времена считалось контрреволюционным ревизионизмом и, следовательно, опаснейшим преступлением. Мы ожидали, что после

плenumа бурно пойдет процесс обновления, и хотели «подбросить соломы в огонь» в виде своей листовки. Но мы ошиблись. Однако мы бы не простили себе и молчания в той ситуации.

Вспоминая все это (наши нелегальные собрания, обсуждение и распространение работы, весьма критической по отношению к Ленину и ленинизму, распространение антихрущевской листовки), сейчас ретроспективно вижу глубокое противоречие: с одной стороны — непреодолимое желание конфронтировать с политической системой, с другой — классические методы из главы учебника того времени — «Краткого курса» истории ВКП(б), т. е. нелегальная организация, кружки, листовки и т. п. Поэтому и считаю наиболее важным в нашей «истории» не нашу деятельность, а тот факт, что какие-то круги московской гуманитарной интеллигенции узнали в результате ареста и последующих осуждений и слухов о нашей конфронтации с системой. Это тем более важно, что многие из нас были уже интегрированы в эту систему и могли рассчитывать на хорошую личную перспективу. Ведь Краснопевцев незадолго до ареста был секретарем комитета комсомола истфака, я был за несколько лет до ареста заместителем комсомольского секретаря истфака. В комсомольском активе были и Меньшиков, и некоторые из наших друзей, например, Меликсетов, Петров, Борко, Манин и др., привлеченные к ответственности в партийном и комсомольском порядке как недоносительство, отсутствие бдительности и т. п.

Поскольку процесс моего личного созревания для конфронтации с тоталитарной системой в те, теперь далекие, 50-е годы может представлять интерес для историка, скажу несколько слов и об этом. В целом я согласен с Краснопевцевым, что многое в нашем становлении и поведении определили два фактора: ужасная действительность тех лет и истфакская школа объективного анализа исторических ситуаций и событий. Для меня (да, я думаю, и для многих моих друзей по «делу») был важен и третий фактор — этический, желание делать правое дело, чего бы это ни стоило. Истоки моего критического настроения уходят в послевоенную действительность вологодской деревни с ее нищетой, полуголодным существованием. Каждая моя поездка на родину опровергала то, что я узнавал в университете о социалистической деревне, но это опровержение субъективно воспринималось мною до поры до времени как локальное.

Время от времени возникали горькие раздумья, когда кого-либо арестовывали на факультете. Например, в 1950 г. был арестован мой руководитель семинара по крестьянской реформе в Балкарии и Кабарде профессор Кокиев (к стыду своему, не помню его имени — отчества), в 1950 или 1951 г. — товарищ из моей студенческой группы Я. Я. Этингер. Только после 1952 г., когда я познакомился с рассказами моего тестя А. В. Лукьянова, беспартийного шофера правительственной автобазы в 1922-1956 гг., о судьбах его высокопоставленных «пассажиров» и их процессах 1935-1938 гг., я начал понимать природу таких репрессий.

Были и какие-то другие впечатления от того или другого проявления тоталитаризма, было недовольство лекциями и семинарами преподавателей-догматиков, таких, как доцент Г. Г. Толмачев. Но было и большое удовлетворение от занятий в семинарах и спецкурсах у таких умнейших и уважаемых преподавателей, опаленных репрессиями или их близостью и все-таки убежденных членов партии, как Н. Е. Застенкер, познакомившийся слишком близко с уральскими тюрьмами и лагерями в конце 30-х годов, или А. А. Шлихтер, сын репрессированного наркома продовольствия. В итоге отрицательное все же воспринималось мною как поправимое в рамках системы.

Разумеется, наше поведение определялось не только и не столько моральным отталкиванием от системы. В качестве решающего фактора я бы назвал чувство патриотического, гражданского долга. Вспомнились прочитанные мне моим коллегой И. П. Дементьевым то ли в 1956, то ли в 1957 г. стихи из самой первой книжки стихов поэта-историка истфаковца Валентина Берестова, в которых говорится, что пойманное перо жар-птицы нас обязывает поймать и самое жар-птицу. Именно в тот момент у меня возникла мысль, что раз мы поняли, что наша страна находится в тупике, то, следовательно, мы и должны спасти ее, то есть искать, находить и указывать выход из тупика.

Этим осознанием своего гражданского долга объясняется и то, что первую и единственную листовку-прокламацию мы с Краснопевцевым, недолго думая, подписали коротко и претенциозно: «Союз патриотов». Это название потом,

в эмигрантской печати, иногда воспринималось как название группы. Кстати, никто из участников обсуждения текста листовки (а мы его обсуждали, кажется, в Краснопресненском парке) не выразил по этому поводу никакого неудовольствия. Мы воспринимали патриотизм как тяжкую ответственность за судьбы страны.

М. С. Гольдман. Думаю, что было бы полезно издать реферат Краснопевцева. В лагере у нас, конечно, было много всяческих раздоров. Имелась и возможность заняться наукой: мы получали по почте литературу; но, к сожалению, практически занимались совсем другим: некоторые данные позволяют судить о том, что нас тогда специально стравливали друг с другом. А в последующие годы стал более строго осуществляться контроль за получаемой литературой, затем начали выбрасывать наши книги и пр. Помню, когда в лагерь пришло 60 бандеролей с номерами «Нового мира», в котором был опубликован «Один день Ивана Денисовича» А. И. Солженицына, то выдали их нам только после статьи Л. Ф. Ильичева в «Правде», в которой было сказано, что эта повесть одобрена ЦК КПСС.

Конечно, публика в лагере была самая разнообразная: и бывшие полицаи, и власовцы, и следователи гестапо, и бывшие генералы КГБ, и американские разведчики, и советские. Первое время я пытался опрашивать заключенных, но, к сожалению, не делал записей, поэтому многое уже забылось. Для историка, конечно, лагерь был интересным местом — своеобразной лабораторией.

М. А. Чешков. Хочу поддержать идею издания рукописи Краснопевцева. Может быть, следует подумать и об издании документальной серии, посвященной сопротивлению тоталитаризму в СССР (письма и др.). Конечно, для историка и социолога встанет вопрос: что входит в такое «сопротивление»? Ведь «совершенствование» этой системы вряд ли по определению может быть сюда включено. Все это, разумеется, подразумевает серьезную предварительную теоретико-исследовательскую, изыскательскую и координационную деятельность историков, членов общества «Мемориал» и других лиц. Что касается нашей группы, то я не входил в ее ядро, а вступил в организацию в самый последний момент ее оформления. Но поскольку я был воспитан истфаком, разумеется, относился к той же среде. На истфаке в наше время уже была не совсем та атмосфера, которую описывает Краснопевцев.

Среди истфаковцев наблюдалось резкое членение на тех, кто был очень политизирован, и тех, кто в противовес политизации (тем более, что она часто носила уродливые формы) стремился заниматься только наукой, например, А. П. Новосельцев, ныне член-корреспондент РАН. И все-таки процесс политизации охватывал даже тех, кто стремился уклониться от участия в общественной жизни. Кроме того, они подвергались нападкам за позицию «неучастия».

Но в конце 50-х годов и тот аполитичный слой, к которому я отношу себя, тоже начал включаться в политику. Заслуга тут принадлежит не преподавательскому составу факультета вообще (о преподавателях у меня сложилось унылое впечатление, за исключением И. М. Рейснера и А. А. Губера), а отдельным его представителям. Для меня много значили, например, лекции и семинары В. Н. Никифорова, Е. Н. Городецкого, Е. И. Капустина, И. М. Белявской. Они не только поддерживали интерес к теории вообще и теории истории в особенности, но и заставляли соотносить эти теории с сегодняшним днем.

Сравнительно быстрый, даже резкий переход к практическим действиям был стимулирован двумя обстоятельствами: обострявшейся политической ситуацией и... возрастом, то есть необходимостью проявить себя, свою индивидуальность, так как окончание университета само по себе ставило нас перед выбором дальнейшего пути. Политическое сознание, признаться, у меня было тогда еще достаточно поверхностным. Помню, что реферат Краснопевцева произвел на меня сильное впечатление неожиданной постановкой вопроса о месте ленинизма в освободительном движении. Его точку зрения, однако, я не разделял. Для меня и летом 1957 г. марксизм-ленинизм оставался незыблемым и, думаю, для большей части политически активной молодежи — также. Поэтому описание Краснопевцевым атмосферы 1950-х годов как сопротивления... большевизму мне кажется «осовремененным». Когда мы обсуждали реферат, собравшись в подмосковном поселке Северянин, то точек зрения выявилось больше, чем участников. Я считал, что началом «грехопадения» явился момент, когда X съезд РКП(б) в 1921 г. отверг синдикалистские идеи рабочего самоуправления. Тем не менее я оставался в рамках общепринятого

понимания ленинизма, и необходимость ведущей роли партии тоже была для меня очевидностью. Эти представления держались у меня долго (и в лагере, и после него), вплоть до конца 60-х годов, когда произошли трагические события в Чехословакии. Да и ситуация в нашей стране уже наводила на мысль, что не срабатывают какие-то глубинные механизмы. Однако я не думал заниматься политикой, целиком и полностью переключившись на науку, о чем несколько не сожалею.

Краснопевцев прав, когда говорит, что наше поведение на следствии определяется тем обстоятельством, что мы психологически не отделились от того, что теоретически и практически отвергали. И наши следователи угадали наше состояние, говоря, что «взяли нас посредине реки». Да, мыплыли к другому берегу, но не доплыли до него. Полного противопоставления системе не было не только в социально-психологическом и личностном плане, что вполне понятно для этого поколения, но также в политическом и идеологическом. Схема, условно говоря, партийно-направляемого государственного социализма оставалась устойчивой не только для меня, а, думаю, и для многих других — даже тех, кто более критично относился к действовавшей концепции революции и построения социализма.

Однако дело не только в устойчивости концепций (хотя для истфака, где очень высоко котировалось то, что называли теорией, этот момент весьма важен), но, скорее, в устойчивости, если так можно сказать, нравов и поведенческих стереотипов. Таковые заключались в следующем: чистота теории и принципиальность идеологии основывались на полном пренебрежении к индивидуальному и личностному; более того, это пренебрежение считалось достоинством, им даже бравировали. На таком основании для достижения той или иной политической цели — как отдаленной, так и близкой — было приемлемо любое средство вплоть до сотрудничества (конечно, на принципиальной основе и большей, чем у зека, если не духовной, то социальной близости к начальнику режима) с лагерной администрацией, участия в гонениях на верующих и поддержания трудовой дисциплины, в чем сильно преуспели некоторые из наших самых принципиальных поделльников.

Добавим к этому культ «маленького» — в масштабах факультета, курса и даже группы — комсомольского вождя, комсомольского «касика», культ, предполагавший беспорочность лидера, а при наличии у него изъянов и ошибок — перенос их на других («врагов») и, конечно, беспрекословность в исполнении указаний лидера. Все это истфаковско-комсомольское необесовство и создало климат вражды внутри группы и между другими группами, когда мы очутились в лагере. Впрочем, все эти метаморфозы окажутся, надеюсь, в центре внимания будущего исследования, посвященного группам В. Трофимова, М. Молостова, С. Пирогова и другим, возникшим на рубеже 1950-1960-х годов.

Громадное же преимущество диссидентского движения состояло в том, что, поставив моральные, общечеловеческие проблемы, его участники не только не сузили диапазон критики, но расширили его, выбрав, повторю еще раз, лишь (!) другую точку приложения сил, причем наиболее уязвимую не только для режима, но и для строя в целом. Поскольку «строй» отказался от самосовершенствования, то и наше движение 50-х годов, направленное на его «улучшение», как ни печально это признавать, выглядит тупиковым, исчерпавшим себя, и не только в СССР. Раньше я считал, что французский май 1968 г. и события в Чехословакии того же времени станут началом какого-то нового периода, а на самом деле это оказалось концом прежнего — крахом идеи спонтанного, низового социализма, в одном случае, и надежды на преобразование социализма — в другом. Эта надежда и самая идея оказались утопией, как это продемонстрировано горбачевской перестройкой. Осознать, а тем более признать утопизм идеи и, значит, признать качественную (системную) непробуемость советского реального социализма стало для меня возможным только с крахом этой — третьей по счету после нэпа и XX съезда КПСС — попытки перестроить социализм.

Н. Г. Обушенков. В те годы пострадали не только мы. Например, Эйдельман был исключен из ВЛКСМ и выгнан с работы. Многих исключили тогда из КПСС. Поставили к станку вместо завершения диссертаций! Сколько вынесено выговоров! И все-таки несмотря на все это, несмотря на то, что в лагере между нами происходили серьезные споры, отзвуки которых доходили до Москвы, я думаю, что этически-нравственное воздействие нашей деятельности на других какое-то время оставалось достаточно сильным. В начале 80-х годов на общественную арену стали

выходить люди, которые в свое время впитали те же идеи, что и мы. Мы чувствуем преемственность не между правозащитниками и нами, а между нами и теми людьми, которые организовали перестройку в 80-е годы. Неслучайно среди них есть лично нам знакомые, которые не забывали нас и тогда, когда мы были в лагере, и помогали нам в последующие годы. Однако преемственность оказалась как бы прерванной на десятилетия.

Надо признать, что стройной системы взглядов у нас не имелось. Был поиск, было понимание, что повседневная практика не имеет ничего общего с теорией марксизма-ленинизма. Мы оттолкнулись от старой системы взглядов, понимали необходимость новой, но разработать ее не успели. 1956 год я считаю для себя переломным в этом плане. Еще доклад Булганина на одном из пленумов ЦК КПСС летом 1956 г. о состоянии экономики СССР буквально поразил меня. Оказалось, что те факты отсталости, бедности, которые я считал локальными, частными, характерными для неуютных и отсталых северных областей, имеют всеобщее распространение, что экономика страны в упадке.

Содержание доклада Хрущева на XX съезде КПСС мне стало известно в начале марта. В нем приводились страшные факты, но многие из них нам уже были известны. Новый политический курс знаменовал собой разрыв с карательной политикой и с прежней внешнеполитической линией. Но в главных областях (экономика, социальная сфера, внутренняя политика) сохранялась по существу преемственность, хотя и с небольшими отклонениями. Это нашло затем свое подтверждение на практике, в частности в ограблении колхозов, когда старая, списанная техника МТС была за огромные деньги продана колхозам. Доклад Хрущева и последующие заявления, например, совместная декларация с ФКП о культе личности, поражали теоретической беспомощностью, поверхностностью, отсутствием анализа причин, уроков. Неслучайно, что ответы на свои вопросы мы стали искать в важнейших документах итальянской и польской компартий. Отмечу, кстати, что вкус к теоретическим новинкам итальянских коммунистов нам привила доцент истфака К. Ф. Мизиано.

В то время, то есть весной и летом 1956 г., я, например, переводил ряд материалов из «Unità» и «Tybuna Ludu» и знакомил с ними моих друзей по будущей организации, а также других историков. Например, мне запомнился перевод известного интервью П. Тольятти для газеты (или журнала) «Nuovi Argomenti» о культе личности Сталина, которое содержало тезис о частичной деформации социализма и в котором фигурировали слова «тирания», «деспотизм». Перевод был распространен главным образом среди аспирантов кафедры истории партии (или марксизма-ленинизма). Насколько мне известно, он был тогда же передан в редакцию и редколлегию журнала «Вопросы истории» (разумеется, не для публикации). Эти факты напоминают мне, что целью моего поиска истины в тот период было обновление теории социализма и глубокое преобразование тоталитарной системы на принципах социализма.

Мы приветствовали доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС как разрыв с карательной сталинской политикой. Но нам было горько видеть, что почти во всем остальном Хрущев остался сталинистом. Летние (или осенние) письма ЦК о роспуске целых парторганизаций (например, парторганизации тепло-технической лаборатории АН СССР) за «неправильное» обсуждение решений XX съезда очень насторожили нас. Поэтому мы воспринимали хрущевский режим как продолжение сталинской системы произвола и насилия. События октября — декабря 1956 г. мы восприняли как измену «курсу XX съезда». Нам же хотелось, чтобы наметившаяся линия на обновление СССР продолжалась.

Наибольшее впечатление на нас произвел документ от 19 декабря 1956 г. о мерах пресечения антипартийной и демагогической деятельности. Мы знали, что по этому поводу «наверху» шла бурная полемика, и как только Хрущев подписал документ, 20 декабря открылся пленум ЦК КПСС. Если вмешательство в венгерские и польские события 1956 г. мы восприняли как продолжение сталинских методов во внешней политике, то этот документ мы восприняли как формальный отказ руководства СССР от курса на обновление, и были правы. Это письмо породило волну арестов и решений судов 1957 — начала 60-х годов, когда за «клевету на советскую действительность» и «ревизионизм» сотни и тысячи людей были брошены на несколько лет в лагерь. Поэтому для нас миф о «демократе» Хрущеве звучит

так же странно, как и легенда о «демократе» Бухарине. Для нас Хрущев был типичным представителем сталинской системы, заслуга которого состояла в том, что он смягчил карательную политику и реабилитировал массу невинных людей, причем не по глубокому убеждению в необходимости этого шага, а по «дворцовым» соображениям.

Конечно, мы были в сложном положении с этической точки зрения: выступать или не выступать против Хрущева? Ведь он первым нанес удар по Сталину! Но главную причину этого осуждения мы видели в желании укрепить личную власть. А когда ему показалось, что его положение пошатнулось, он повел себя иначе. Сейчас трудно даже объяснить, как мы решились выступить против Хрущева в такой сложной ситуации. Вероятно, поэтому в кругах московских пропагандистов и распространялась версия, что мы встали на защиту Маленкова. Нас пытались иногда представлять как защитников сталинского режима, чтобы ослабить наше нравственное воздействие на людей. В настоящее время аналогичная дилемма ни в коей мере не связывается с этикой и решается людьми чисто прагматически.

Для нас было очевидно, что 19 декабря 1956 г. — конец оттепели, что все надежды на обновление «сверху» отныне и надолго беспочвенны, что возможна только нелегальная деятельность, если мы считали необходимой борьбу за обновление. Именно это обстоятельство позволило начать быстрое сближение с Краснопевцевым и Ренделем. Подобные чувства и мысли, очевидно, одолевали в это время и других — будущих членов группы. К весне нелегальная группа была создана.

Мне очень жаль, что сегодня нет среди нас Ренделя, одного из наших лидеров. Он ушел, не дожив несколько дней до отмены приговора 1958 г. и реабилитации в 1989 году. Трудную жизнь государственного преступника он прожил стойко и мужественно, сохранив свои убеждения и принципы.

Некоторые люди стремятся распространить понятие оттепели на весь период вплоть до переворота 1964 г., но на деле новая эпоха закончилась еще в 1956 году. Я считаю, что после декабря 1956 г. стало исторической необходимостью выступление всех прогрессивных элементов против существующей системы и руководства страны. Однако этот процесс задержался на несколько десятилетий. Мне трудно объяснить столь жесткую позицию Хрущева. Ведь в то время в стране не происходило ничего страшного. Ни экономические, ни политические процессы тех лет не диктовали необходимости столь жестокой борьбы с инакомыслием. Подозреваю, что это было вызвано провокационной линией КГБ, который для оправдания своего существования создавал новых «страшных врагов» социализма под лозунгом «Ревизионизм — главная опасность».

Мы пришли к пониманию того, что система отношений в СССР не соответствует тем канонам марксистско-ленинской теории, которым нас учили. Однако научный социализм по-прежнему оставался тогда для нас путеводной звездой. К Ленину отношение было более сложным. В 1952-1955 гг. я работал над кандидатской диссертацией по истории Германии периода первой мировой войны, занимался довольно основательно государственно-монополистическим капитализмом в этой стране и неожиданно для себя пришел к выводу, что ленинская модель социализма 1918-1921 гг. берет за основу именно германскую модель экономической, социальной, политической диктатуры. В какой-то степени я попытался отразить эту мысль в диссертации.

На этой почве возникали постоянные конфликты с доцентом истфака Г. Г. Толмачевым, коллегой по кафедре и оппонентом по диссертации. И хотя я устранил все «криминальное», экземпляр диссертации до сих пор испещрен возмущенными замечаниями Толмачева, а я впервые услышал тогда в свой адрес страшное по тем временам слово «ревизионист». Вместе с тем мне импонировали идеи Ленина 1922-1923 гг. о кооперативных началах социализма. С моей точки зрения, это были первые наброски новой модели социализма, скорее — начальные ее штрихи. В целом у меня к концу 1956 г. сложилось отрицательное отношение к ленинскому вкладу в марксизм.

Я считал, что Сталин воплотил на практике именно социально-экономическую модель Ленина 1918-1921 годов. Поэтому работа Краснопевцева, с которой я познакомился в мае — июне 1957 г., анализирующая другую сторону ленинизма — тактику и стратегию рабочего движения, сразу же была мною воспринята. Уже после ареста большое влияние оказывала на меня практика социал-демократии

Запада. Мои представления об обществе, о демократии, о социализме эволюционировали по социал-демократическому пути.

В. Б. Меньшиков. Адвокат Краснопевцева в начале своего выступления на суде сказал: «31 августа 1947 г. Лев Николаевич Краснопевцев переступил порог Московского государственного университета; 31 августа 1957 г. ему был вручен ордер на арест». Эти слова вызвали в зале оживление, так как вроде бы получалось, что университет готовит антисоветские кадры.

Н. Г. Обушенков. Действительно, трое из нас по десять лет провели на истфаке, и мы благодарны ему за то, что он сделал нас такими, какие мы есть. Мы благодарны многим истфаковцам, нынешним крупным ученым-историкам, за доброе отношение к нам в течение всех этих лет и десятилетий, за помощь и поддержку независимо от того, чем она была продиктована, — солидарностью, сочувствием, милосердием или чем-то другим. Хотя до нас доходили слухи и о жестком и негативном отношении к нашим поступкам со стороны наших однокурсников.

Далеко не все, содеянное нами, стало известно следствию, хотя репрессиям подверглись несколько десятков человек, а по данным наших друзей, — даже 100 или 200 человек. Хотя конспирация была примитивной, но все-таки следствие многого не узнало. Во время следствия я, например, понимал, что я могу спокойно молчать о том, что было известно только членам «троек», организационной и программной, в которые входили Краснопевцев, Рендель, Меньшиков и я. В итоге Эйдельману так и не было предъявлено обвинения в том, что он дал согласие войти в группу. Многое осталось не известным следствию (а позже — даже хорошим знакомым) о неформальных связях, откровенных диспутах и разговорах с друзьями и коллегами, из чего в те времена легко можно было сотворить «пропаганду» и «персональное дело». Я испытываю удовлетворение от того, что моим друзьям, коллегам по кафедре новой и новейшей истории МГУ, в ту пору начинающим преподавателям, а ныне маститым ученым, не пришлось отвечать за откровенные разговоры 1955–1957 годов. Я благодарен им, да и более широкому кругу преподавателей этой кафедры за то, что они годами помогали моей семье, хотя им самим пришлось подпасть под «охоту за ведьмами» в конце 1950-х годов.

Л. Н. Краснопевцев. Сейчас распространяются слухи, что на суде общественным обвинителем выступал известный сегодня историк и общественный деятель Ю. Н. Афанасьев. Это неправда, его там вообще не было. Там были некоторые представители истфака (К. Г. Левыкин, Ю. М. Сапрыкин, В. И. Владимирская и др.). Афанасьев же уехал за два месяца до нашего ареста в Красноярск, в «дело» он посвящен не был. А в городах Сибири наше «дело» просто никого не интересовало, обстановка тогда была морально очень тяжелая, и в нашу защиту никто выступить открыто не мог. Я слышал, что в кулуарах нас защищала доцент К. Ф. Мизиано, говоря, что ничего особенного в нашем выступлении нет: обычное авангардистское выступление молодежи, не более того.

Существовал принцип, который наиболее четко сформулировал Александр II: самодержавие установило крепостное право, самодержавие его и отменит. Хрущев заявил то же самое: мы сами создали «военный коммунизм», мы же способны его отменить. А мы выступили с совершенно иных позиций: только новые силы могут покончить с режимом «военного коммунизма» в СССР. Все содержание нашей листовки было именно контрэтатистским, антигосударственным.

В этом отношении наше движение имеет какие-то аналогии с нынешним. Ведь примерно то же мы слышим от умеренных сегодня: нельзя выступать против архитекторов перестройки, нельзя разбивать общий фронт, мы создали «военный коммунизм» — сами и переделаем его в рынок. Другие же говорят, что создать рынок могут лишь новые социальные силы — демократические организации. Этот спор не закончен, а продолжается он 200 лет: либо либеральный правитель, либо новые общественные силы. Нам приводят в пример нэп: кто создал «военный коммунизм», тот ввел и нэп. Но при этом забывают, что уже в 1925 г. налицо был кризис нэпа, а в 1929 г. восстановлен «военный коммунизм» в худшей форме.

М. А. Чешков. Проблема этатизма, разумеется, важна, но в настоящее время она все-таки второстепенна. Этатистский метод развития, при котором государство есть и начало и конец всего и вся, себя исчерпал, как и наши лагерные дискуссии относительно природы советского строя, который одними мыслился как госкапитализм, а другими — как разновидность «азиатчины». Естественно, что как

востоковед я занимал вторую позицию, к тому же не видя в СССР никаких признаков [гос]капитализма. Теперь же дискуссия перенесена в иную плоскость: или общество и общественное развитие ориентированы на человека как цель, или же человек остается лишь средством достижения «высшей» цели. Последний взгляд, как известно, достаточно прочно утвердился в российском освободительном движении и стал нормой общественного советского сознания и, я думаю, нормой сознания на истфаке 1950-х годов. Поэтому я не испытываю благодарности к этому учреждению, хотя, конечно, полон уважения к своим учителям.

В. Б. Меньшиков. Нас и в лагерные годы, и сейчас обвиняют в симпатиях к этатизму, тоталитаризму. Это не совсем точно. Я и сегодня не стал бы в категорической форме отмежевываться от своих тогдашних взглядов. О них уже говорили: мы все, с разными вариациями, были тогда приверженцами социализма. Логика, с которой приходилось в лагере сталкиваться — «Раз марксизм-социализм довел до такого — все, что с ним связано, то долой!», — и тогда, и сейчас представляется упрощенной, может быть, даже примитивной.

В своей позиции мы исходили из простой посылки: строй, который существует в нашей стране, — данность. И любая переделка, перестройка должны от него отталкиваться. Строй этот называют «социалистическим» ошибочно. Он представлял собой, строго научно, вариант восточной деспотии. Как показала практика Востока, в первую очередь Китая (а также в последние десятилетия Тайваня и Южной Кореи), переделка общества восточной деспотии в общество западного образца — процесс крайне сложный и длительный. Разом, кавалерийской атакой введение демократического законодательства и рынка невозможно. Политическая демократия, включая Конституцию, останется красивым флером, а с рыночными отношениями восточная деспотия, как показывает исторический опыт, вполне совместима.

То, что я сейчас говорю, есть результат научной работы и раздумий более позднего времени. Но идею специфики Востока, особого, отличного от европейского, пути развития со всеми вытекающими из этого последствиями (а наша страна, как минимум, наполовину — Восток) я начал разрабатывать в лагере, в беседах и спорах с Краснопевцевым и Ренделем. По существу идея о необходимости исходить из специфики исторического пути нашей страны определяла нашу (точнее, Краснопевцева, мою, Гольдмана) позицию в лагере.

В историческом плане то, о чем я говорю, можно, наверное, сопоставить со славянофильством — стремление найти специфику России, ее отличие от Запада. Те же, кто выступает за быстрый слом всего, что составляет наш общественно-экономический строй, — модифицированные западники. Полное преобладание подобных взглядов пока очевидно. Начав с диссидентства, русское освободительное движение, как и в начале века, пошло по западническому пути. Поэтому сейчас легко клеймить позицию, которую мы (то есть Краснопевцев, я и Гольдман) занимали в лагере: ведь мы проиграли, поезд ушел в другую сторону.

И тем не менее я уверен, что попытка повторить у нас в стране вариант Февраля, как минимум, будет крайне тяжелой, болезненной для народа, а как максимум, именно поэтому может привести к новому тоталитарному Октябрю и уж наверняка — к авторитаризму.

А. А. Искендеров. Мы знаем, что существуют разные оценки «Дела Краснопевцева». Одни говорят об организации, другие считают, что имело место движение сопротивления. Есть ли у вас сегодня чувство гражданского удовлетворения от того, что вы тогда сделали, в какой-то мере разбудив общественное сознание? Как вы сами оцениваете свою деятельность с точки зрения тех процессов, которые происходят сегодня?

Л. Н. Краснопевцев. Конечно, мы не могли тогда представить себе, что потом так развернутся события. Наша группа была немногочисленна. Мы прежде всего выполняли свой моральной долг.

А. А. Искендеров. Вам не обидно, что те, кто сегодня претендуют на лидерство, не так часто вас вспоминают?

В. Б. Меньшиков. В истории так бывает всегда. Однако если бы сейчас была написана история перестроечного движения в СССР после 1953 г., думаю, мы заняли бы в ней свое место. Впрочем, связь тех событий с нынешними крайне опосредованна.

Н. Г. Обушенков. Разумеется, определенное моральное удовлетворение у нас есть. Ведь среди тех, кто начал перестройку, много именно 60-летних, то есть людей нашего поколения. Среди них есть и бывшие студенты МГУ тех же лет, что и мы. Они знали о нас, но тогда они или не созрели для разрыва с традицией, или не нашли в себе гражданского мужества (может быть, были и иные причины), чтобы выступить за те идеи и ценности, за которые выступили мы. Часть из них, вероятно, была поражена той социально-психологической болезнью, которая была распространена среди интеллигенции до перестройки и называется раздвоением личности. Однако как только создались условия, эти люди немедленно включились в движение обновления, начинали же они идейно созреть именно тогда. Я думаю, что это было начало разрыва мыслящей молодежи советской системы с самой этой системой.

У нас никогда не было больших личных амбиций. Мы были готовы к «сидению», к жертвенности, к скромной роли катализатора, но никогда не претендовали на роль лидеров массового народного движения. Добавлю, что я очень рад, что я никогда не страдал той болезнью вождизма, нетерпимости, которая сыграла такую трагическую роль в развале нашей группы в лагере. Следствие и наказание оказались бессильны против группы. Но унаследованная от ленинизма родовая болезнь развела нас друг от друга в разные стороны на всю оставшуюся жизнь и, что еще горче, изолировала нас от наших единомышленников — пятидесятников. Ведь мы были не одиноки. Когда нас привезли в Дубравлаг в апреле — мае 1958 г., нас поразило обилие молодежи среди политзаключенных. Были представлены целыми группами Московский, Ленинградский, Киевский и некоторые другие ведущие университеты СССР. В 1957—1958 гг. среди лагерной молодежи было довольно много бывших комсомольских активистов, выступавших и до ареста и в лагере с идеями очищения ленинизма от сталинизма или марксизма от ленинизма. Неслучайно лагерные надзиратели часто называли нас одним «ругательным» словом — «марксисты».

Л. Н. Краснопевцев. Да, безусловно, чувство морального удовлетворения у нас есть, поскольку мы в тот сложный период не отмолчались. Что касается цены, которую пришлось за это платить, она, конечно, велика, практически это — вся наша оставшаяся жизнь.

Примечания

1. Архив Министерства безопасности России, д. 476, Р-34423, Н-30108, т. 19, с. 47—48.
2. Там же, с. 49.
3. Там же, с. 61.
4. Там же, с. 44—45.
5. Там же, Р-34433, Н-30106, т. 13, с. 427.
6. Там же, с. 427—429.

От редакции: ниже публикуется присланный в редакцию текст заведующего сектором Института истории Сибирского отделения РАН академика Н. Н. Покровского.

Еще в 1955—1956 г., когда я работал в МГУ над курсом лекций по источниковедению советского общества и над библиографическим указателем по мемуарам, я понял, до чего ненадежный инструмент — человеческая память, ненадежный источник — воспоминания. А материалы следствия, как правильно заметил Коля Обушенков, фальсифицированы в весьма значительной мере в фактах, терминах и оценках, о чем мы громко заявили властям из лагеря. Из общих оценок нашей деятельности мне ближе всего та, что была высказана за «круглым столом» Н. Г. Обушенковым.

Даже добросовестно пытаюсь сейчас восстановить прошлое, не всегда можно

различить то, что было, и то, как нам сегодня представляются те годы. Реалии общественного сознания нынешних бурных дней невольно сказываются.

Одна из главных проблем — отношение к XX съезду КПСС и к Хрущеву. Говорю прежде всего о себе. Когда уже на воле некоторые бросились поздравлять меня с его свержением, я не принял этих поздравлений. Я на всю жизнь запомнил то пьянящее чувство освобождения, с которым я зачитывал студентам-комсомольцам истфака «секретный» доклад Хрущева на этом съезде. И пусть мы рано осознали всю трагическую половинчатость сделанного Хрущевым, пришли к выводу о необходимости нелегальной борьбы с позиций, означающих критику не только Сталина, но и Ленина, не только репрессий 1937 и 1929 гг., но и резолюции X съезда о единстве партии, ощущение живительной свежести начала 1956 г. я сохранил на всю жизнь.

И когда мы в лагерном шизо проводили 24-дневную голодовку, требуя пересмотра квалификации наших действий по ст. 58-й, мы имели все же надежду, что хрущевские власти как-то поймут нас. Ведь ни малейшего шанса на давление общественного мнения страны или мира не было: никто об этой голодовке так и не узнал (в этом состоит одно из важных отличий того времени от следующего, диссидентского этапа), и та самая хваленая ныне хрущевская прокуратура без труда обманула и нас, и наших родных. Но мы-то верили...

Мне, конечно, смешно слышать, когда люди нашего поколения говорят, что до XX съезда они о репрессиях «ничего не знали». Не знали лишь те, кто очень не хотел знать. Я узнал от отца о сталинских репрессиях еще в 1943 г., т. е. когда мне было 13 лет. Но одно дело — знать, и совсем другое — услышать об этом от главы страны.

Однако все наше знание, как и искренняя попытка разобраться в механизме крушения России, не помешало и не могло помешать тому, что и в самих нас, и в создаваемой нами организации было немало от прошлых, осуждаемых нами времен. Как я позднее понял, — это прежде всего сам курс на подпольный союз, с жесткой дисциплиной, непрекаемым авторитетом «вождей». Это не могло не вызвать внутреннего противостояния, расколов, разрыва отношений, в конце концов. Многие из нас — кто раньше, кто позднее — пришли к пониманию этого. Но при всех противостояниях, я и сейчас помню былую радость от главного: от общего дела, от чтения еще в самом начале реферата Льва Краснопевцева, от других наших попыток пробиться к истине, от обсуждения экономических проблем, романа В. Д. Дудинцева «Не хлебом единым» и т. д.

Куда важнее, чем стремление создать законспирированную организацию (конспирация была довольно детской), была, как мне теперь кажется, наша открытая работа: обсуждение в кружках проблем, некоторых наших текстов, ранее не доступных источников, книг, занятия со студентами в истфаковских семинарах, даже на лекциях. И если вся эта жертва какую-то пользу дала, то в первую очередь из-за этой сферы нашей деятельности. Позднее именно такой, открытой, будет деятельность многих диссидентов.

Основной круг идей участниками встречи очерчен довольно полно. Я особенно подчеркнул бы тезисы о вредности тотального огосударствления экономики и культуры, о необходимости создания самодельствующих экономических механизмов и реального самоуправления, об осуждении нечаевщины XIX—XX вв., ленинских и сталинских репрессий, раскрестьянивания отечественной деревни, идеологического зажима, сокрытия исторической правды, догматизма. Я согласен, что в осознании половинчатости политики Хрущева, его явного нежелания сокрушить устои преступной системы огромную роль для всех нас сыграла интервенция 1956 г. в Венгрии. Резкое осуждение этого вторжения звучало и на наших беседах, и в наших документах, включая листовку. Стоит, пожалуй, отметить и такой эпизод интернациональной солидарности властей хрущевского времени: наши следователи, командированные в Польшу, организовали там пленум ЦК ПОРП, осудивший линию газеты «Po prostu» как ревизионистскую, что позволило включить в наше «дело» обвинение в связях с международным ревизионизмом.

Сподвижники Сталина вызывали нашу острую критику, и я не помню, чтобы для Молотова кто-то делал исключение. Во всяком случае, не на моей памяти. Эту карту хотело разыграть следствие, но безуспешно, и на суде ее не рискнули выставить.

Я не считаю, что уже на нашем студенческом курсе, то есть в 1947—1952 гг.,

наметились истоки двух принципиально разных общественно-политических установок. Конечно, партийные и комсомольские лидеры должны были проводить официальную линию. Но их-то как раз оказалось позднее в наших кружках не так уж мало. Многие, выдвинувшиеся в официозные идеологи позднее, на нашем курсе особенно не были заметны в этом качестве (а подчас и на других тоже). Вообще же наш курс был очень дружным, и дружба эта, при огромном организующем воздействии Натана Эйдельмана, прошла через десятилетия, независимо ни от каких персональных взлетов и падений. Многие старались уйти в «чистую науку», и это не вызывало у других внутреннего протеста. Я с первого курса зарылся в архивные документы XVII—XVIII вв., даже в экспедиции тогда не ездил. А в группу Льва Краснопевцева меня привел как раз профессиональный, научный интерес — желание разобраться в реальной истории отечества.

Нужно напомнить имена еще двух участников этой группы, осужденных по нашему делу: гуманитарий Вадим Козовой и математик Михаил Семененко. Первый стал известным поэтом и эссеистом, живет во Франции, второй руководит вычислительным центром в Москве.

И, наконец, последнее, хотя сейчас едва ли не самое главное для меня. Нельзя забывать о том, что довелось вынести нашим родным, женам и матерям. Многие из них потеряли работу, а почти никакой общественной помощи им не оказывалось. Изрядная часть знакомых даже перестала их узнавать. И все эти годы они простаивали в очередях на передачу, отправляли посылки, безуспешно хлопотали в прокуратуре, замерзали на мордовских дорогах, не подавая и виду на свиданиях, как им трудно. И дружно держались друг за друга при всех наших раздорах. И всегда ободряли нас. Без них нам было бы не выдержать.

От редакции: В выступлении Краснопевцева коротко рассказывается о направлении научных разработок членов организации, о тех больших планах, которые были сообщены намечены, но прерваны практически в самом начале арестом. Поэтому нам представляется правомерным и весьма полезным для читателей познакомить их хотя бы с небольшим отрывком из работы Краснопевцева, посвященной проблемам кризиса социализма.

Кризис социализма (наброски от августа 1957 г.)

На наших глазах разыгрывается величайшая в истории человечества трагедия. Человек не раз переживал разочарование после осуществления долго вынашивавшихся планов: едва избавившись от феодального гнета, вместо ожидаемого царства свободы попадал под капиталистический; едва пережив ужасы первой мировой войны, наблюдал и переживал гибель народов во второй, и т. д. Но у человека всегда до сих пор оставалась надежда, вера в то, что все это кончится, когда трудящиеся ликвидируют всех угнетателей и богачей и станут сами хозяевами жизни, когда наступит социализм. Раб Греции или Рима умирал с верой в грядущий возврат «золотого века», в сознании забитого русского мужика сохранились воспоминания о Разине, Пугачеве, парижский пролетарий XVIII—XIX вв. жил мечтами и надеждами на коммунизм.

Наконец, 40 лет назад эти мечты как будто бы начинали сбываться в России, и она стала предметом поклонения как со стороны трудящихся всего мира, так и своих собственных. Правда, то, что получалось в России, сразу же стало вызывать сомнения, но люди гнали их прочь, часто не желая даже взвешивать, насколько они серьезны. Нищета — пусть, построение социализма — страшно дорогое дело; убожество или даже отсутствие политической и вообще интеллектуальной жизни — ничего не поделаешь, у нас слишком много врагов, приходится жить по-военному; тотальный политический террор как постоянный, основной метод управления страной — неприятно, конечно, но необходимо в переходную эпоху, поэтому составление доносов на «врагов народа» не только вынужденное, но и высоко моральное дело. Так утешали себя люди в России и вне ее в 1917—1956 годах. Но чем дальше, тем больше этот оптимизм превращался в средство самоутешения.

И вот все рухнуло. В феврале 1956 г. вожди объявили народу, что они убийцы

и политические громы и что основой их политической линии были не трудности строительства социализма и даже не обилие людоедов-империалистов, а стремление сохранить и укрепить режим своего господства и всеобщего угнетения. После этого и ряда других событий стало ясно, что систему сталинского социализма треплет жесточайший кризис, угрожающий его существованию. Кроме просто больных, сейчас не найдешь людей, отрицающих наличие этого кризиса.

В чем же состоит этот кризис? Его сущность можно кратко сформулировать так: сталинский социализм не выполнил своей исторической миссии. По способности обеспечить общественный прогресс, прогресс экономики, культуры, жизненного уровня, морального уровня нации и т. д. он оказался не впереди, а позади капитализма. Сталинисты любят хвастаться успехами в промышленности. Мы в этой области обгоняем или хотя бы догоняем капиталистические страны, говорят они. Факты: сталь, нефть — США и Россия (СССР), удельный вес России в их производстве. Но сводить все к сравнению тонн стали и угля — нелепо. Второй промышленный переворот в СССР в 1930-е годы значит: полное разорение сельского хозяйства, сохранение отсталости и рутины в прочих отраслях — транспорт, отрасли обрабатывающей промышленности и т. д.

Наша промышленность убыточна, она просто нежизнеспособна. Она держится лишь милостью КГБ, который, лишая рабочих возможности бороться за повышение своего жизненного уровня, позволяет кое-как сводить концы с концами в ведомстве Зверева. Наша промышленность и наши колхозы (в отношении последних это особенно ясно) — детища КГБ. Ликвидируйте КГБ, разрешите рабочим стачки за повышение зарплат и т. д. — и получится история типа польской осени 1956 г.: повышение зарплат сколько-нибудь широкое приведет к финансовому краху, от которого Польша пока спасается займами. Нищета нации и масс не временное явление, как хотят представить дело наши идеологи, не временные трудности роста, а база, основа, единственная возможность существования нашей промышленности и наших колхозов. Социализм нищих — вот результат 40 лет.

Абсолютные успехи по цифрам объемов производства стали, нефти, зерна, машин и т. д. (без учета их качества) в России до 1917 г. и в СССР есть, но темпы общего прогресса стали значительно меньше. Достаточно сравнить столыпинские темпы и темпы нашей индустриализации, отбросив ложь. Темпы всего хозяйства в России были выше. Можно себе представить, каковы они были бы, если бы в России сохранилась буржуазная республика. Россия была бы сейчас неузнаваема.

Таковы результаты. А каковы методы, которыми это было достигнуто? Кратко говоря, это методы разращения, разложения нации. Сначала потребовалось уничтожить миллионы людей в гражданскую войну, чтобы сделать возможным само строительство ленинско-сталинского социализма, в том числе почти всю русскую интеллигенцию, наиболее активных и культурных рабочих (меньшевиков и др.) — то есть почти все культурные силы страны. Затем, в период коллективизации пришлось уничтожить лучшие силы деревни в лице так называемых кулаков, в 1934—1941 гг. пришлось уничтожить самую партию (если отойти от формального приема и считать партией не те миллионы рядовых, которые в ней записаны, а партийный аппарат — функционеров, актив — организационный, политический, теоретический, хозяйственный, советский и т. д.) и создать другую. В 1941—1945 гг. пришлось потерять, по официальным данным, 20 млн. человек из-за неподготовленности к войне, вытекающей из всего общего курса Сталина. Ради упрочения и сохранения этого социализма пришлось создать карательно-террористический аппарат, ничуть не уступавший гестапо, и вообще политический режим «красного фашизма». Пришлось пойти на уничтожение целых наций, на создание государственного тотального антисемитизма, на настоящее растрепывание молодежи, политическое и нравственное. В добродетель были возведены убийство, насилие, грабеж, доносы, клевета, лицемерие, трусость — это перечисление трудно закончить. Нравственный уровень нации снизился до уровня уездной уголовной нормы.

К еще большей катастрофе привел большевизм международное рабочее движение. Оно сейчас в тупике. Вернее, это можно сказать только о двух странах — Италии и Франции, в других — партий коммунистов давно уже нет, а есть только вывески, которые несут крохотные группки интеллигентов, имеющих кормление в Москве. Франция уже очень близка к этому положению, итальянцы же спасаются пока, только перейдя в ряде важнейших вопросов на позиции социал-демократизма, и, несмотря на это, теряют миллионы избирателей и сторонников.

Социал-демократические партии, имеющие громадное влияние на рабочий класс и другие слои и классы, представляют в сущности довольно жалкую картину с точки зрения больших исторических проблем и перспектив: они не только совершенно не способны к борьбе за социализм, но не могут вести крупной борьбы за демократию (Алжир, фашизм, отношение к германской проблеме, разоружению и т. д.). Это — прошлый этап рабочего движения. Но создание новых рабочих партий невозможно, пока не уничтожен большевизм в России, пока не исчезло это страшное пугало, бросающее рабочего к социал-демократам. Здесь, как и везде, социал-демократия и большевизм составляют две стороны одной медали, они не только и, может быть, не столько воюют друг с другом, сколько поддерживают друг друга: существование большевизма вызывает объективную необходимость в социал-демократии, и наоборот. Крах одного неизбежно должен будет повлечь за собой разложение и постепенную ликвидацию другой. Пролетариат Европы сейчас очень далек от социализма: он ближе, чем когда-либо, по объективным предпосылкам и своему уровню, но дальше, чем когда-либо, по непосредственной готовности к борьбе за социализм.

Таково положение. Разбиты старые кумиры, утрачены иллюзии. Социализм оказался «красным фашизмом», но и капитализм неприемлем: он обеспечил сейчас трудящимся высокий и все более повышающийся жизненный уровень, демократические свободы, но он не ликвидировал и никогда не ликвидирует самого тяжелого — разделения общества на господ, хозяев жизни, хотя и правящих демократически, и повинующуюся им в производстве и политике массу трудящихся, очень хорошо кормленную и одетую и имеющую свои мощные организации, влияющие на политику.

С одной стороны, существует 800-миллионная сталинская азиатская империя, являющаяся основной помехой в настоящее время для прогресса цивилизации. И всем понятно, что ее разрушение и подготовку к нему нужно только приветствовать, ибо пока эта империя не будет уничтожена, человечество не вздохнет свободно.

Но, с другой стороны, противостоят этой империи отнюдь не ангелы, а империалисты, надеющиеся с ликвидацией сталинской империи покончить с социализмом вообще. А если учесть, что обе гигантские силы, противостоящие друг другу и не могущие в своем теперешнем состоянии сосуществовать, обладают страшным смертоносным оружием, то с первого взгляда создается совершенно безнадежная ситуация: конец цивилизации, гибель культуры, всеобщее самоуничтожение, гигантская истребительная тотальная бойня, из которого человечество выйдет (если выйдет) одичавшим и отброшенным на столетия назад, — вот настроение широких слоев обывателей, трудящихся, интеллигенции, ученых, части политиков и других на Западе и у нас, в России. Настроения безнадежности, обреченности, мистического предчувствия «конца света» все сильнее овладевают десятками и сотнями миллионов ограниченных, слабых и запуганных людей.

Смертельно испуганный обыватель пытается своим испугом запугать историю, своими заклинаниями уговорить ее лучше оставить на месте все старое дерьмо. Он согласен продолжать жить и издохнуть в этом своем дерьме, он согласен, чтобы вообще прекратилось движение вперед, но чтобы не было драки, чтобы не осушали и не чистили смердящее, гниющее, вонючее болото, в котором он живет, потому что при этом погибнет много его собратьев.

К счастью для людей, этого не будет и быть не может: чистить болото и в России, и на Западе придется, как это ни неприятно для там живущих. Его гниение через некоторое время поставит его обитателей перед угрозой вымирания, поэтому они вынуждены будут допустить людей со стороны к чистке их жилища и сами примут в ней участие. В ходе этой чистки погибнет много сильных и смелых людей, но зато в ходе ее очень многие обыватели станут гражданами. И в этом будет главный смысл чистки болота. Будет уничтожено болото в душах людей, хотя и ценой тяжелых жертв. Но пока люди пытаются остановить и законсервировать гниение на полпути, не пускать его дальше, чтоб можно было жить и впредь без чистки. Пусть пытаются: это уже деятельность, это начало пробуждения.

Как же создается гниющее болото, откуда оно взялось, какие силы его создали? Этот вопрос мучает сейчас всех, на него нужно ответить. Рабочее движение в Европе выделяется из общедемократического в период нарастания первого гигантского

кризиса всей капиталистической системы, развившегося в 1848 году. Этот кризис был следствием 1815-го года. Запутавшись в собственных противоречиях, капитализм в 1789—1815 гг. не смог решить задачу завоевания Европы, его армии были разбиты, а он был вынужден пойти на компромисс с феодалами. Этот компромисс сохранял за буржуазией экономику, но отнимал у нее политическую власть. Оба эти класса сговорились и поладили за счет пролетариата: получив в этой области полную поддержку феодалов, буржуазия с такой яростью накинулась на рабочих, как будто действительной ее целью было высосать из них кровь. Положение рабочего класса становилось невыносимым.

Но компромисс с живым мертвецом оказался гнилым: очень скоро буржуазия почувствовала, что мертвец душит ее в своих дружеских объятиях, его гниль проникает в ее организм и заражает его тем же смертельным недугом. Эти признаки болезни молодого могучего организма чувствовал пролетариат в лице его выдающихся представителей, но он принял их за приближающуюся скорую неотвратимую смерть капитализма вообще и предвестника прихода «золотого века» коммунизма. В появлении и распространении таких настроений в передовых слоях пролетариата не было ничего удивительного и сверхъестественного. Забитый, замученный, живущий в скотских условиях, выматываемый непосильной работой по 12—16 час., дикий и невежественный, политически совершенно неопытный пролетариат середины XIX в. был пролетарием только по положению.

Решающий специфический признак зрелости пролетариата: будучи экономически эксплуатируемым, он политически представляет собой одну из руководящих сил общества (как в современной Западной Европе), способную вести всю нацию вперед в борьбе за демократию. Пролетариат же середины XIX в. в основном представлял собой обычную массу париев, обездоленных, отверженных, стоящих вне общества, задавленных обществом и вынашивающих планы страшной мести по отношению ко всему этому обществу. Во многих отношениях этот пролетариат был ближе к бунтующим рабам Рима или к плебейм Мюнцера, чем к зрелому пролетариату наших дней. И его идеология больше напоминала революционную религию первых христиан, чем рационализм рабочего нашего времени: ее основу составляла вера в будущее, а не разумное осмысление настоящего. Ведь христианство есть не что иное, как гениальная система, основанная именно на этой вечной, присущей всем угнетенным и отверженным вере в: 1) золотое будущее при отрицании настоящего; 2) свое особое призвание в достижении этого будущего (идея «избранного народа», или праведников).

Но христианство — не только религиозная мечта. В период расцвета мощнейшей мировой рабовладельческой державы, за несколько столетий до гибели рабовладения христианство предсказывало ее неизбежность и провозгласило, правда, в религиозно-мистической форме, основной принцип будущего феодального общества, дало знамя борьбы за это общество, под которым пошли миллионы людей. И хотя планы тоталитарного господства христианской церкви были полностью опрокинуты ходом событий Возрождения и Реформации, хотя борьба показала, что она внесла в движение много вреднейших, реакционнейших моментов, отнимать у христианства честь предсказания гибели рабства, утверждения нового строя и угадывания в смутно-мистической форме некоторых его основных принципов могут только боящиеся аналогии люди.

Примерно такое же место в истории борьбы человечества за социализм занимают возникавшие в 1830—1840-е годы социалистические секты и направления. Вообще коммунистическая идеология с самых первых ее представителей поражала своей абсолютной нежизненностью, в отличие от сугубо трезвой, реалистической, буднично-жизненной идеологии буржуазии, которую твердое хозяйское положение в жизни и сознание своей силы избавляли от необходимости искать утешение в болезненно-слабких грезах и видениях.

Этот характер она сохранила и в первой половине прошлого века. Социалисты-утописты того времени констатировали противоречия и язвы капитализма, который был у них перед глазами, обличали пороки господствующих классов, призывали к сочувствию трудящимся или даже к борьбе за их интересы, говорили о необходимости нового, справедливого общественного строя — социализма, основанного на общественной собственности, но дело не шло дальше общих конструкций нового строя. Эти взгляды нравились рабочим полным отрицанием капитализма, всеоб-

щим дележом всех ценностей и идиллией будущего царства всеобщей первобытной уравнительности, к которой всегда так тянет всякого неразвитого человека.

Тем не менее этот социализм чувства, или, лучше говоря, социализм веры, сыграл свою положительную роль. Когда кризис в Европе 1848 г. разразился, секты социалистов-доктринеров возглавили борьбу пролетариата, под их руководством он прошел серьезную школу борьбы, получил ценный опыт и добился серьезнейших успехов. Июнь 1848 г. и другие выступления пролетариев имели своим непосредственным следствием и быстрое повышение жизненного уровня рабочих всей Европы, и уменьшение продолжительности рабочего дня, и т. д., а это создало условия для подъема пролетарского движения на следующую ступень.

А за несколько месяцев до взрыва революции оформилась еще одна секта, появление которой означало нечто новое и угрожающее всем сектам. Появилась секта Маркса и оформилась система его взглядов — марксизм. Марксизм — настоящий продукт в основе своей 1840-х годов и революционной мысли первой половины XIX века.

Маркс, как и его предшественники, абсолютизировал важнейшую, но не единственную, сторону исторического процесса XIX в. — огромное усиление общественного характера производства и игнорировал другую, не менее важную, все более полную и глубокую индивидуализацию всей жизни общества. Эта односторонность анализа породила тотальный характер системы Маркса. Ее можно принять или отбросить только в целом; если же изменить в ней что-нибудь существенное, то она вся развалится на отдельные куски (может быть, очень ценные, но это не будет уже марксизм). Поэтому система Маркса — такая же революционная религия, а не рациональное мировоззрение, основанное на научном анализе, как и системы его предшественников. Ее нельзя критиковать и совершенствовать, ей можно только молиться. Как и всякая религия, марксизм обречен, он существует не до тех пор, пока не будет побит более верной научной теорией, а пока есть люди, испытывающие необходимость в красном христианстве.

Практическая программа Маркса и его предшественников — уничтожение капитализма и замена его коммунизмом. И решение ими этой проблемы напоминает общины первых христиан, отгородившихся от существующего общества и живущих своими законами, своей моралью и укладом жизни.

Громадный вред социалистического утопизма и Маркса, и его предшественников очевиден: он не ослаблял, а во много раз усиливал и без того большую отсталость масс трудящихся, их гигантский отрыв от господствующих классов в уровне политического и культурного развития, лишал их совершенно возможностей начинать принимать участие в жизни нации, учиться ликвидировать созданные тысячелетиями забитого состояния неумение и нежелание самим решать свои дела. Говоря о своей любви к народу, социалисты-утописты одновременно бессознательно наносили ему большой вред. Но при всем громадном принципиальном родстве марксизма с социалистическими сектами 1840-х годов было в этой доктрине нечто новое, обеспечившее ей успех:

1. Марксизм, наконец, открыто объявил, что связывает себя с пролетариатом и порывает с попытками утопистов собрать для борьбы с капитализмом всех благородных и честных. Это был принципиальный разрыв с утопистами, большой шаг в сторону реальности жизни. Связать себя с каким-то классом, только одним классом, да еще таким особым, как пролетариат, — следовательно, попытаться приспособить к нему свою теорию и практику, — это значило в значительной степени порвать с основами утопизма.

2. С незапамятных времен в человеческом обществе существуют коммунистические настроения, взгляды и проекты. Их основная идея заключается в идеализации первобытного коммунистического рая и в вере в возврат его «золотого века» после всеобщего осуждения и устранения угнетателей. Эта схема освящена некоторыми религиями, в частности она вошла в Ветхий и Новый заветы. Эта схема потом послужила питательной почвой всем социалистам и коммунистам от Мора до Бланки на Западе, Чернышевского и народников в России. Они не добавили к ней ничего существенного, принципиально нового, кроме новых орнаментов и расцветок.

Эту схему взял и Маркс. Но, не меняя основы, он ее реформировал и создал на ее базе свою систему. Прежде всего он, как Лютер, перевел коммунизм с мертвой

латыни на язык современности. Человечество к тому времени дошло до понимания классов и классовой борьбы. И Маркс базировал свою систему на теории борьбы классов как основы и содержания всей истории человеческого общества, выводя из нее неизбежность пролетарского коммунизма. Человечество уже в XVIII в. дошло до понимания товара и стоимости, очень глубоких основ и закономерностей развития экономики. И Маркс обосновывает свое понимание коммунизма новейшими научными исследованиями о товаре и законе стоимости.

Мы вовсе не отрицаем того, что Маркс был, кроме всего прочего, и очень крупным ученым, сделавшим ряд важнейших открытий в той же экономической области, в области социологии и других. Но, во-первых, эти открытия были им же очень сильно испорчены тем, что он подгонял их под свою общую концепцию, а, во-вторых, здесь нас интересует не Маркс — бескорыстный ученый, а Маркс — создатель новой революционной религии — марксизма, и его научных открытий мы касаемся лишь постольку, поскольку он приспособлял их к доказательству своей концепции (кстати говоря, это было почти всегда у него).

Короче говоря, если Мюнцеру приходилось приспособлять Евангелие для доказательств своих лозунгов, и этого было вполне достаточно, чтобы убеждать людей тогда, то Марксу 300 лет спустя пришлось таким же образом использовать науку: брать ее достижения, дополнять, изменять и пускать в ход. И те, кто восхищаются Марксом, на место утопий поставившим науку, забывают странным образом, что в середине XIX в. без ссылок на науку работать было нельзя. Маркс лично был человеком, вполне овладевшим материалом и выводами гуманитарных наук того времени. Кроме того, он видел громадные перспективы в недалеком будущем. Этими личными качествами Маркса и объяснялось то, что именно он провел это грандиозное реформирование социализма.

Это реформирование в одном отношении было большим шагом вперед, хотя и создавало серьезнейшие опасности в будущем. В это время создавались условия для массового рабочего движения. Ему нужно было знамя. Утописты домарксова периода не могли дать это знамя, не могли поднять массы, они могли сплотить только единицы рабочих, настолько бросались в глаза каждому солидному рабочему их несерьезность, запутанность, нереальность, авантюризм. За Марксом пойти было уже можно, ибо это было солидное предприятие, современное, ученое (в глазах тогдашнего рабочего, во всяком случае) и возглавляли его такие серьезные положительные люди, как Маркс и Энгельс.

3. Реформа социализма мало изменила его сущность в смысле конечных целей, отношения к капитализму, основных догм, его стратегии, но она сопровождалась довольно серьезным изменением не только по форме, но и по существу его тактики.

В первую очередь нужно отметить, что Маркс очень скоро отмежевался от оголтелого практического революционаризма (типа бланкизма) тайных сект. Он подходил к этому и в период революции 1848 г., ее поражение окончательно его просветило: в 1850 г. он в абсолютной, категорической форме рвет с Виллихом и Шаппером и революционаризмом вообще, он объявляет, что нужно готовить условия для революции, а не путчи горстки авантюристов. Не отказываясь от общих со всеми утопистами форм, Маркс уже в «Коммунистическом манифесте» провозгласил необходимость союза с буржуазией против феодализма, против таких оплотнений реакции, как Россия, он звал рабочий класс к практическому воздействию не только на решение таких, например, национальных задач, как воссоединение Германии или Италии, но и на решение общеевропейских и мировых проблем.

Большой заслугой Маркса был его отказ от создания личной организации. Он видел, что будущее за массовым открытым движением, и предпочел временно, пока этого движения еще не было, остаться в одиночестве и разрабатывать теорию для будущего движения. Когда же оно началось, он в 1864 г. примкнул к нему, не смущаясь наличием там инакомыслящих (правда, на это его недолго хватило — он начал интриговать против них и развалил через восемь лет Интернационал).

Таким образом, во взглядах на формы организации и сам характер рабочего движения, его состав Маркс сделал большой шаг вперед по сравнению со своими предшественниками. Все эти реальные положительные шаги (хотя, как мы видим дальше, и совершенно недостаточные для свободного развития рабочего движения) были сделаны в период 1848—1871 годов. Обстановка крайне благоприятствовала марксизму. 1848—1849 годы показали рабочим, что путь путчей нужно исключить

как метод борьбы. А громадные уступки, на которые пошла европейская буржуазия в экономической и частично политической областях, разрешение капитализмом ряда проблем своего существования, разгром феодализма в Европе, бешеные темпы экономического прогресса, культурного развития, короче, — смена кризиса капитализма периодом его бурного роста убила реальные надежды на пролетарскую революцию, порожденные острейшим кризисом середины XIX века.

Полным концом домарковского утопизма была Парижская коммуна. Взяв власть в силу исключительных обстоятельств военного разгрома и краха империи, секты не знали, куда ее употребить. Невозможность для пролетариата наладить жизнь общества без буржуазии вскрыта была Коммуной великолепно.

Новые условия после 1871 г. вызвали к жизни массовое рабочее движение. Оно росло в лице профсоюзов, разного рода кооперативов, касс взаимопомощи, спортивных, культурно-просветительных и прочих организаций. Наконец начали создаваться социал-демократические партии. Новый рабочий требовал от своих вождей новой реалистической, практической, непосредственно сейчас выгодной ему политики. Но рабочий класс был еще не способен совсем отказаться от претензий на спасение человечества, от стремлений к тотальной революции, диктатуре, захвату всей собственности и т. д., как это сделал современный, культурный, развитый пролетариат Запада. Для этого переходного этапа между бунтарским пролетарским движением до 1871 г. включительно и движением после первой мировой войны, то есть для периода 1871—1914 гг., марксизм оказался наиболее подходящим.

Для первого периода (до 1871 г.) он был слишком сложен, заумен, интеллигентен, не годился для прямого боя. Для третьего периода марксизм слишком дик и примитивен. А для перехода он годился, ибо он оставлял, только в смягченной и завуалированной, приглаженной под науку форме революционизм первого периода в принципе, на знамени, со значительными практическими возможностями для соглашения с буржуазией в жизни.

Старые религиозные пролетарские школы — так называемые домарковские формы социализма — не могли перестроиться и умерли; родственный им по духу, вышедший из них марксизм выжил, перестроился и стал монопольным обладателем знамени движения. Но он сохранил в теории своей догматически-религиозный окостенелый характер. В практике Бебель и подобные ему вожди в других странах не обращали внимания на «лондонских стариков», строили практическую деятельность партии совершенно эмпирически, хотя эта эмпирия не выходила за известные пределы и шла в общем и целом в направлении, определяемом догмами.

Так сложился зрелый марксизм — продукт очень своеобразной противоречивой обстановки и не менее противоречивых, только что складывающихся как мировоззрение класса настроений пролетариев. Он был создан рукой очень крупного политического деятеля, принадлежащего сердцем и натурой к эпохе 1840-х годов, а разумом понимавшего его конец и наступление эпохи гораздо более зрелого и культурного капитализма и рабочего движения.

Но выход, найденный Марксом, был очень относителен и временен. Нельзя совмещать такие вещи, как догмы «диктатуры пролетариата», сосредоточение всей экономики в руках этой диктатуры, как признание одного пролетариата прогрессивным, а всех остальных классов — реакционными, как полное отрицание капитализма с реалистической политикой при капитализме, с борьбой за демократию внутри страны и в международных сферах, то есть за реформы, за постепенное улучшение всей капиталистической системы. Или догмы — тогда борьба за демократические реформы невозможна, нужно участвовать в политической жизни только для их пропаганды. Или борьба за демократию как лучшую подготовку к социализму, но тогда неверны догмы о дьявольской сущности капитализма. Если верно положение, что «черного кобеля не отмоешь добела», — значит, не нужно начинать его мыть, пусть ходит и разносит сразу, тогда скорее его убьют. Если же его можно хоть частично отмыть, тогда, значит, он не черный, а по крайней мере, серый, а может, и очень светло-серый. В этом противоречии развивались партии II Интернационала до 1914 года.

После Коммуны 1871 г. у рабочих появились двойные настроения. Признать капитализм, действовать на базе его законов, легально, а не в подполье, не иметь полицейских преследований. Но организовать самим, без и против буржуазии, не вмешиваться в ее грязную политику, отойти в сторону, создать свой особый мир,

вырывать у буржуазии экономические уступки и усилить свое государство в государстве до тех пор, пока оно не станет настолько сильным, чтобы сломить буржуазное общество и утвердить свой мир как новое общество. Марксизм отразил и выразил эти массовые настроения в своей политической линии, но не поднялся над ними. Реализм этой линии открыл дорогу созданию массового социал-демократического движения в Европе и Америке. А ее коренной порок привел к мировым катастрофам 1914, 1917, 1933, 1939 гг. и к современному бесперспективному пока положению в рабочем движении.

Рабочее движение может существовать при капитализме долго и прочно, только если оно борется за широкую демократизацию капитализма, но борется не как современные наследники практической немощи марксизма — Олленхауеры, Молле, а революционными сильными методами всеобщих политических стачек, активного политического бойкота и других массовых политических кампаний, подготавливая тем самым и массы, и обстановку для социализма. Всякое воздержание от политической борьбы в полном объеме развращает пролетариат и отдаляет социализм. Социализм будет возможен тогда, когда пролетариат дорастет до способности вести общество вперед. Учиться ему этому иначе как при капитализме, негде, следовательно, только самое широкое и всестороннее участие пролетариата в общественной и государственной жизни при капитализме может создать базу для социализма. Те же, кто препятствуют этому, — враги социализма, убивающие в зародыше самое его возможность. Именно такую роль могильщиков социализма сыграл в прошлом марксизм и играет до настоящего времени.

Марксисты дезориентировали рабочих, развратили их, поощряя в них своими воплями о чистоте пролетарской линии и о невмешательстве в грязную буржуазную политику трусость, эгоизм, заботу только о своей кормушке. Они силой удерживали пролетариат на стадии борьбы за экономические интересы, препятствовали его превращению в важнейший при капитализме фактор политической жизни каждой нации, вышибали из пролетариата всякое чувство принципиальности, отличия от обывательских настроений. Результаты такой политической линии, укрепленной в рабочем движении марксизмом, стали сказываться довольно скоро. Внешне все обстояло благополучно, увеличивалось число поданных на выборах бюллетеней, партии росли, но внутренне движение мертвело. Два особенно ярких примера.

Первый — дело Дрейфуса и последовавшая за ним серьезная демократизация во Франции. Гед и его партия «принципиально» стояли в стороне и издевались над лицемерием буржуа, «изображавших» борьбу за демократию, и над Жоресом, активно участвовавшим в борьбе за Дрейфуса в союзе с радикалами.

Второй — отношение социал-демократии к назревавшей мировой войне. Какими издевательствами встречали ортодоксы предложения Жореса и Эрве о развертывании кампании против войны, как они глумились над этими недоучками, осмелившимися предлагать что-либо иное, кроме фраз об уничтожении капитализма как единственно мыслимой его «реформе»! И история воздала им по заслугам: эта самая война смела их с лица Земли и привела к руководству движением последователей и Эрве, и Жореса.

Это состояние движения вызвало его болезнь, именованную ортодоксами «бернштейниадой». Это было следствие внутреннего гниения партии Каутского и Бебеля, но никак не его причина. Бернштейн до своего выступления 20 лет проработал рядом со своим личным другом Каутским и только в 1896 г. выступил резко против официальной линии партии. Это означало, что социал-демократия исчерпала себя, она двинула в 1870—1880 гг. рабочее движение вперед, а теперь сама превратилась в его тормоз. И действительно, в новой обстановке подготовки мировой войны и начавшихся снова революционных схваток 1905—1907 гг. продолжение линии политического невмешательства было уже настоящей изменой демократии.

Но «бернштейниада» показала блестяще безнадежность попыток вышибить из марксизма его религиозный догматизм. Мужественное выступление Бернштейна против культа Маркса встретило такую бездну догматической тупости со стороны Каутских, Бебелей и Плехановых всего мира, что стало ясно: наука, то есть изучение фактов, и марксизм всегда останутся врагами. Бернштейн приводил неопровержимые факты, бьющие основы марксизма, старые опытные шаманы отвечали обычными заклинаниями, а все считали это научной полемикой. Эта кампания

борьбы с ревизионизмом показала обреченность марксизма, весь вопрос был только в том, когда он кончится.

Бернштейн наносил свой удар именно по аполитичности, узости, мешанскому провинциализму, обывательской замкнутости в свои классовые интересы и неспособности подняться до борьбы за общенациональные и мировые интересы, которые всегда по понятным причинам отличали всякое движение низов, в том числе в довольно сильной степени пролетарское движение конца XIX—начала XX века. Но заклания ортодоксальных шаманов, резолюции, осуждающие Бернштейна, не уничтожили его. Они лишь загнали болезнь внутрь, усилили и распространили ее на весь организм. Социал-демократия все больше стала разделяться на три течения. Крайне правое — так называемые оппортунисты, предложили в принципе вполне правильные вещи, но испортили все дело робостью, вялостью, боязнью борьбы и половинчатостью, это сочетание и дало нынешний мелкий социал-демократизм.

Наиболее яркими представителями левого течения были большевики и их вождь Ленин. Он вполне порвал с сущностью марксизма на практике уже в 1905 г., выдвинув социал-демократический план руководства буржуазно-демократической революцией. Этот факт несмотря на вредность ленинской программы был ударом в самое сердце марксизма. К сожалению, такой смелости не оказалось у социал-демократов справа — как русских, так и западных. Ни Бернштейн, ни Плеханов с Потресовым не пошли в 1905 г. дальше разговоров о необходимости участия в политической жизни буржуазного общества наравне с буржуазными партиями, не порвали с kautскианским «болотом» и не создали собственную партию. И пролетариату, и социал-демократии пришлось пережить ужасы первой мировой войны, чтобы начать понимать необходимость борьбы за реформы в рамках капитализма, а по-настоящему они не поняли этого до сих пор.

Итак, если первый мировой кризис капитализма в середине XIX в. (а он был именно мировым — в США, например, дело дошло до гражданской войны общенационального характера) породил революционаризм сект 1840—1860 гг., а ликвидация этого кризиса, быстрые успехи капитализма и крупные уступки рабочему классу привели к трансформации этих сект в марксизм, то второй гигантский кризис капитализма в 1917—1945 гг. в самом своем начале похоронил марксизм. А затем очень скоро обанкротились и выросшие из его крайних течений революционаристская секта большевиков и социал-демократия шейдемановско-блюмовского толка.

Как это произошло, какие причины вызвали этот второй кризис? В принципе те же, что и первый. После 1789 г. феодализм получил сокрушительный удар, но не был сломлен. Результат — первый кризис. После 1848 г. были уничтожены новые громадные массивы старого царства феодального бандитизма, но и на этот раз чистка не была доведена до конца. Феодализм, во-первых, господствовал на востоке Европы: феодально-политический самодержавный режим в России, значительные элементы феодализма в Австро-Венгрии и Германии, удушение ими Польши, Чехии, народов Балкан и т. д. Во-вторых, громадным остатком периода феодального грабежа передовыми нациями отсталых была мировая колониальная система. Эти два громадных «куска» феодализма ломали и уродовали демократию во всем мире. Пока они не были уничтожены, существование демократии на самом Западе было лишь временным и очень относительным.

В период общего революционного подъема 1905—1907 гг. социал-демократы и рабочие Запада не попытались перевести революционный взрыв в России в общеевропейское демократическое и антиколониальное движение. Ничего не было сделано и в последующий период. Каутский упорно твердил даже в 1912 г., что нужно бороться не против войны, а против капитализма вообще, так что «крайний оппортунист» Жорес был единственным человеком, спасавшим честь рабочего движения. Какой трусостью, мелким, близоруким эгоизмом несет от этих настроений социал-демократов и рабочих! Когда угроза страшной опасности нависала над десятками миллионов людей, сотнями городов, десятками тысяч деревень, над Европой вообще, пролетарии и их идеологи отвечали на призыв встать против войны: у нас нет отечества, нам плевать на все, ведь вы не прибавите нам зарплату за это, мы лучше посидим в сторонке. Великолепный пример того, как крайние революционные лозунги и принципы становятся прикрытием принципов, основанных на стремлении одного класса, хотя бы передового, пожрать все общество.

Война нанесла страшный удар по этой узкой эгоистической основе, которую

марксизм придал социал-демократии. Миллионы убитых, разорение всей Европы — вот какой ценой оплатили пролетарии и их вожди свое поразительной революционной смелости намерение отсидеться в сторонке, пока буржуи будут бить друг друга, чтобы потом перерезать их всех, измученных междуусобной дракой. Мелкое жульничество холопов и на этот раз было побито крупным жульничеством их господ: резать друг друга пришлось холопам, а господа только руководили ими. Война разразилась в результате того, что дальнейшее развитие уперлось в эти «куски» феодализма, они тормозили все, а наевшиеся, наконец, досыта пролетарии Запада не желали больше бороться, желали спокойно есть уже отбитый кусок, укрепляемые в этом инстинктивном стремлении своими вождями.

В августе 1914 г. в мировой социал-демократии одержала верх фракция Шейдемана, Легина и К°, она, наконец, разбила и отбросила от руководства фракцию Каутского, Бебеля и др., руководившую социал-демократией со времени ее создания. Ортодоксов заменили откровенные сторонники превращения социал-демократов в обыкновенную партию парламентской системы демократического капитализма, представлявшую рабочих, но ничем по типу своему от партий буржуазии, средних слоев и так далее не отличающуюся.

Но почему Легину, Шейдеману и К° удалось так быстро и внезапно победить своих, казалось бы, могущественнейших и авторитетнейших противников, создавших Интернационал и ведших его от одной победы к другой в течение почти полувека? Да потому, что первая мировая война обнаружила сразу, что марксизм — это смердящий труп. Десятилетиями пели рабочим свои сладкие песни Каутский и К°, играли на их эгоизме и провинциализме, и вдруг обнаружилось, что это все гигантский обман, великая ложь. Движение раскололось на две части — большинство пошло за Легинами, меньшинство (незначительное вначале) — за Лениным, у Каутского остались те, кто еще ничего не понял, но по мере того, как они понимали, они уходили от него.

Марксизм кончился в августе 1914 года. И большевизм, и социал-демократия Шейдемана — это уже не марксизм. И нечаевщина Ленина, и его «казарменный коммунизм», и милитаристский шовинизм Шейдемана не имеют ничего общего с марксизмом. Социализм откладывается, по крайней мере, до того времени, пока оба эти антипода не расшибут себе лбы и не будут сломлены новыми течениями в рабочем движении.